

Дженни Блэкхерст

**КАК
Я ТЕБЯ
ПОТЕРЯЛА**

INSPIRIA

Дженни Блэкхерст

Как я тебя потеряла

Серия «Ток. Мировой бестселлер»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69576223

Дженни Блэкхерст. Как я тебя потеряла: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-191782-1

Аннотация

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР, СТАВШИЙ БЕСТСЕЛЛЕРОМ В БРИТАНИИ, ЧЕХИИ, ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, ВЕНГРИИ, ИТАЛИИ, КОРЕЕ, ПОЛЬШЕ, США.

Меня зовут Эмма Картрайт. Но три года назад я была Сюзан Вебстер. И тогда же я убила своего сына.

Вы бы тоже поверили в то, что в один голос утверждают все – ваши близкие, врач, полиция, не так ли? Я не помню случившегося, но мне сказали, что я убила своего трехмесячного сына Дилана. Меня судили и отправили в психиатрическую лечебницу «Окдейл», где я отбыла свой срок.

Четыре недели назад меня освободили досрочно. Я создала себе новую личность Эммы Картрайт и переехала в маленький городок, где никто не знает мою историю. Этим утром я получила конверт, адресованный на мое прежнее имя. Внутри – фотография четырехлетнего мальчика по имени Дилан.

И теперь я сомневаюсь во всем, чему верила до этого дня. Раз у меня не осталось воспоминаний о том жутком событии, как я могу действительно знать, что он мертв? Будь хоть малейший шанс, что ваш сын жив, на что бы вы пошли, чтобы вернуть его?

«Зацепило с первой страницы и заставляло гадать до самого конца». – Клэр Дуглас, автор мирового бестселлера «Пара из дома № 9»

«Совершенно захватывающе». – Клэр Макинтош, популярная британская писательница и бывшая полицейская

«Выдающийся и оригинальный триллер». – Б. Э. Пэрис, автор бестселлеров New York Times

«Вызывает привыкание». – WOMAN & HOME

«Навязчивый, абсолютно увлекательный триллер». – RED MAGAZINE

«Интригующий триллер». – GOOD HOUSEKEEPING

Содержание

Благодарности	7
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	36
Глава 6	54
Глава 7	58
Глава 8	63
Глава 9	70
Глава 10	76
Глава 11	82
Глава 12	93
Глава 13	102
Глава 14	117
Глава 15	120
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Дженни Блэкхерст

Как я тебя потеряла

Jenny Blackhurst

HOW I LOST YOU

Copyright © 2014 Jenny Blackhurst

© Жукова М. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Сильный по своей эмоциональной подаче, закрученный психологический триллер о матери, способной на все ради сына. Тревога и напряжение сопровождают каждую главу этой книги, где временами

не знаешь, кому доверять, кто злодей, а кто герой.
Блэкхерст удалость сохранить интригу до последней
страницы.

Алина Лесняк, редактор

*** * ***

*Посвящается Эшу и Коннору, который никогда
не сдаётся и всегда находит выход.*

Я люблю тебя, мой куриный наггетс!

Благодарности

В первую очередь я хочу поблагодарить своего замечательного агента Летицию Резерфорд. Если б ты с таким энтузиазмом не подошла к истории Сюзан и постоянно меня не поддерживала, то сейчас я не писала бы эти слова. Благодаря тебе мои мечты сбылись.

Спасибо Вики и Дарси и всей команде издательства «Хедлайн». Вы взяли простой камень и превратили его в бриллиант. Быть принятой в ваш мир – честь для меня. Спасибо за все ваши советы, за то, что вам удавалось относиться ко мне так, будто я знаю, что делаю. Хотя вы понимали, что не знаю. Спасибо за всю ту сложную работу, которую вы делаете.

Я благодарна друзьям, которые меня поддерживали, лучшим друзьям, которые только могут быть у маленькой девочки. Вы всегда радовались за меня, когда я сама боялась радоваться за себя. Вы столько раз повторяли мне, что я смогу это сделать, и вели себя так, словно у вас не было никаких сомнений в том, что СДЕЛАЮ. Спасибо Саре, которая была моей первой читательницей, за то, что говорила мне, если я все делала правильно, и, что еще важнее, если что-то получилось не так. Я благодарю Лорну, Джо и Лору за то, что всегда оказывались рядом и были готовы меня выслушать. Девочки, вы же со мной уже больше семи лет! Спасибо Эмме и девушкам из JN, которые были рядом, когда я начинала этот

проект, и дамам с джентльменами из SFRS, которые находились рядом, когда я его заканчивала. Вероятно, вы не понимаете, насколько странно слышать, когда кто-то из вас спрашивает: «Как продвигается книга?» Это приводит в трепет!

Я благодарна увлеченным и любящим свое дело рецензентам из YWO – без вашего вклада эта книга осталась бы в куче рукописей на выброс. Отдельно хочу поблагодарить Нотли, который рецензирует всех первым, – не за то, что беспощадно меня критиковал, а за то, что помог собрать вместе разрозненные куски. Я благодарю Кей Литч, Шивон Дайко и Фреда Хебберта за постоянную поддержку и за то, что заставили меня поверить: я могу стать «настоящей писательницей».

И наконец я хочу поблагодарить самую лучшую семью, о которой только можно мечтать. Я благодарна маме и папе, которые всегда говорили, что я могу сделать все что угодно, если поставлю перед собой цель. Они помогли мне продолжать работу, просто находясь рядом и поддерживая меня. Также я благодарна своему большому младшему брату, которого очень люблю. Надеюсь, заставила вас всех мной гордиться, как я горжусь вами. Я вас люблю.

Эш. Тебе я благодарна за то, что ты вселял в меня надежду, за одобрение, любовь и поддержку; за моего замечательного сына и нашего еще нерожденного ребенка; за разговоры поздним вечером под навесом, где ты так по-деловому сказал мне: «Попробуй»; за то, что всегда оставался тем мужчи-

ной, за которого я вышла замуж. Я люблю тебя и сына сильнее, чем можно выразить словами.

**Письмо в Комиссию
по условно-досрочному освобождению
от Сьюзан Вебстер,
заключенной № 397 609
23 января 2013 года**

Уважаемые члены Комиссии!

Меня зовут Сьюзан Вебстер. Почти четыре года назад, 23 июля 2009 года я убила своего трехмесячного сына. Мне потребовалось так много времени, чтобы сказать эти слова и принять это, тем не менее я испытываю невообразимую боль и печаль, когда их пишу.

В период предварительного заключения и в последовавшие за ним два года и восемь месяцев в «Окдейле» я изучила всю доступную информацию о послеродовом психозе, форме послеродовой депрессии, от которой я страдала после рождения Дилана. Чтение об этом помогло мне понять и осознать, что я не контролировала собственные действия в тот ужасный день. Теперь я знаю, что мои воспоминания о тех трех поразительных месяцах с Диланом были романтизированы у меня в сознании. Это случилось из-за отрицания того ужасного гнева, который я испытывала к нему. Я это знаю, потому что так говорят врачи. И мне еще труднее принять то, что мои

священные воспоминания – все, что у меня осталось от моего красивого сына – порождены моей покалеченной психикой. Это труднее, чем осознавать, что я убила своего маленького мальчика. В самые трудные минуты мне хочется вспомнить ненависть, безразличие к живому существу, которое я произвела на свет. Может, тогда я смогла бы хоть на какое-то время успокоиться, немного отдохнуть от чувства вины и боли, которыми окрашена каждая минута бодрствования. Я ненавижу себя за эти чувства. Мои воспоминания, истинные и поддельные, – это единственное, что помогает мне оставаться тем человеком, которым я была раньше. По крайней мере, тем человеком, которым я себя считала. Женой, матерью, может, немного неорганизованной, точно ужасно готовящей, но я никогда не могла представить себя убийцей, даже в самых жутких кошмарах.

И хотя я принимаю то, что сделала, я не жду прощения. Я знаю, что никогда не смогу простить себя сама. Я только прошу учесть мое раскаяние, когда будет слушаться дело о моем условно-досрочном освобождении, чтобы я смогла попытаться заново построить свою жизнь, принести какую-то пользу этому миру и начать искупать то зло, которое сделала в прошлом.

С уважением,
Сьюзан Вебстер

Глава 1

24 апреля 2013 года

Оно все еще там.

Я выхожу из кухни, пытаюсь жить привычной жизнью, но ничего не помогает. Не важно, сколько раз я отсюда выходила! Каждый раз, когда я возвращаюсь в кухню, оно ждет меня там.

Оно пришло сегодня утром, спрятанное под яркими конвертами с ненужной рекламой и счетами, которые выглядят зловеще. Я и так боюсь получать письма. Воскресенье – мой самый любимый день недели.

В воскресенье почту не приносят. Только сегодня не воскресенье. И сегодня почту принесли.

Я догадываюсь, что моя ненависть ко всему, лежащему в конвертах, объясняется тем количеством счетов, которые я получаю каждый день. Я здесь живу всего четыре недели, но кажется, что все компании страны, поставляющие какие-то ресурсы и услуги, пытаются выставить мне за что-то счет. В каждом письме, адресованном «Проживающей по адресу...», я получаю напоминания: мне следует дать разрешение на автоматическое списание средств с банковского счета плательщика за получаемые услуги. Это вызывает у меня депрессию, потому что я думаю о своей неорганизованности и о том, на сколько мне еще хватит средств. Денег у меня мало.

Однако сегодня с почтой принесли не счет. Я это знаю, потому что адрес на конверте написан от руки. Это не письмо от моих знакомых или друзей. Конверт размером с открытку, коричневого цвета. Почерк мелкий, буквы написаны слитно. Похоже, писала женщина, но я не уверена. Ничто из этого не объясняет, почему письмо все еще лежит на моем кухонном столе, и я его не распечатала.

Я могла бы отправить его прямо в мусорное ведро. Я могла бы дожидаться прихода Кэсси и попросить ее открыть письмо, как школьница, которая просит маму заглянуть в конверт с ведомостью, где одни пятерки. Я снова подхожу к конверту, вижу написанные на лицевой стороне слова, и у меня учащается сердцебиение:

*Сьюзан Вебстер,
Оак-Коттедж, 3,
Ладлоу, Шропшир*

Но Сьюзан Вебстер больше нет. Я-то знаю: сама убила ее четыре недели назад.

Ни один человек на свете не должен знать, где я нахожусь и кто я такая. Именно поэтому я официально сменила имя и фамилию – подала, как и положено в таких случаях, заявление о намерении. Даже мой инспектор по надзору за условно-досрочно освобожденными называет меня Эммой. Иногда я все еще забываю откликаться на это. Теперь меня зовут

Эмма Картрайт. Однако эти имя и фамилия вам ничего не скажут. Четыре года назад я все еще была Сюзан Вебстер. Представляю вас сейчас: вы немного хмуритесь. Может, эти имя и фамилию вы узнали, но никак не можете вспомнить, где их слышали? Поднимаете глаза к потолку, переводите взгляд влево, пытаясь вспомнить. Если вы живете на севере, то, возможно, бормочете что-то типа: «О да, это та женщина, которая убила своего сына? Какой ужас!» Но если вы живете в других частях страны, скорее всего, вы меня вообще не вспомните. Новость прогремела одновременно с сообщением о поимке одного очень известного торговца наркотиками. О нас с сыном писали только на внутренних полосах местных газет.

Я это сделаю. Разрываю конверт дрожащими руками, осторожно, чтобы не порвать содержимое. Мне в руки выпадает небольшая карточка. На секунду появляется мысль – не надеть ли перчатки, если это вдруг окажется какой-то угрозой, и полиции потребуются улики. Обычному человеку такие мысли могут показаться странными – я беспокоюсь об угрозе жизни из-за получаемых писем. Поверьте: раньше я сама и представить себе не могла подобной ситуации.

Но сейчас уже слишком поздно думать о криминалистах. Это не письмо, это фотография. Маленький мальчик широко улыбается, глядя в объектив, у него теплая, искренняя, красивая улыбка. Страх уходит, появляется замешательство. «Кто это?» Я не знаю детей такого возраста – ему два, мо-

жет, три года. У меня есть племянница, но нет племянников. Несколько мамочек и детей, с которыми я познакомилась в разных группах матери и ребенка, куда мы ходили до... ну, незадолго до... держатся от меня подальше. Вероятно, просто пытаются заблокировать воспоминания о случившемся, словно мы с Диланом никогда не жили на этом свете.

Почему мне это прислали? Я пытаюсь вспомнить детей, которых встречала, и бросаю фотографию на стол. Она переворачивается в воздухе и падает лицевой стороной вниз. И в это мгновение мир для меня сжимается до размеров одной фотографии, лежащей передо мной – четыре на шесть дюймов¹. На обороте тем же аккуратным почерком выведены три слова:

Дилан – январь 2013

¹ 1 дюйм = 2,54 см (прим. пер.).

Глава 2

– Это шутка, – заявляет Кэсси, снова бросая фотографию на мой кухонный стол.

«И все?» Я ждала двадцать минут, пока она молча рассматривала фотографию. И что я получила? *Шутка*, и все? Делаю глубокий вдох.

– Я понимаю, Кэсс, но кто это сделал? Кто, кроме тебя, знает, что я здесь? Это угроза? Или кто-то на самом деле хочет, чтобы я считала, будто Дилан жив?

Она отводит глаза в сторону, но я знаю, на кого она думает.

– Марк, – объявляю я. – Ты думаешь, что это Марк.

Кэсси скрипит зубами при упоминании этого имени и борется с собой, чтобы не вспылить. Ей это дается нелегко. Она выпячивает вперед острый подбородок и, как я думаю, буквально прикусывает язык. Моя лучшая подруга ненавидит моего бывшего мужа. Она не любит большинство мужчин, но я думаю, Марк занимает первое место в списке. Я знаю, она ему тоже не понравилась бы, хотя они никогда не встречались.

Наверное, мне стоит немного рассказать о Кэсси. Она – моя лучшая подруга, никогда у меня такой не было, но я всегда мечтала именно о ней. Мы познакомились не так, как знакомятся робкие школьницы в первый учебный день, и мы

не жили в одной комнате во время учебы в колледже. Я впервые встретила Кэсси под звук захлопывающихся у меня за спиной стальных дверей, под вопли и стоны. Она сидела на верхней койке, ее крашенные светлые волосы были собраны на макушке в какую-то непонятную кучу, а при виде меня она нахмурила тонкие черные брови. Она спрыгнула с койки и приземлилась рядом со мной, как кошка. Потом я узнала, что после первой подобной попытки она сломала лодыжку. Свободные зеленые тюремные штаны висели у нее на выпирающих тазовых косточках, а рубашку, завязанную так, что был виден молочно-белый живот, для нее вполне могли принести из крыла для несовершеннолетних. Судя по ее виду, Кэсси мог сбить с ног сильный порыв ветра, но при этом она источала невероятную силу, которую раньше я не встречала.

– Верхняя койка – моя, но я не мочусь во сне, как некоторые из здешних обитателей, так что беспокоиться тебе не о чем. К моим вещам не прикасайся.

Я познакомилась с Кэсси в день, когда чувствовала себя так одиноко, как никогда в жизни. Тогда я еще не знала, что это самый худший день в моей жизни – я узнала об этом значительно позже, но она помогла мне его пережить и спасла меня.

Мы познакомились, потому что она преступница. Убийца, как и я. Хотя, в отличие от меня, Кэсси помнит каждую секунду совершенного преступления. Она смакует детали, рассказывая эту историю подобно тому, как девочки-скауты

рассказывают ужасики, сидя вокруг костра. Ее достает, если я повторяю: безразличие – это «защитный механизм, чтобы не вспоминать о совершенном преступлении». После того как я впервые высказала это предположение, она неделю называла меня Фрейдом, отказываясь обращаться по имени, пока я не пообещала прекратить заниматься с ней психоанализом. Больше она никогда так близко не подходила к признанию моей правоты.

– Хорошо... – Я готова доставить ей удовольствие и согласиться на какое-то время. – Давай предположим, что это Марк. А откуда он мог узнать, где я? И зачем ему заставлять меня думать, будто наш сын все еще жив?

Кэсси нетерпеливо закатывает голубые глаза.

– Он же айтишник, так?

– Так, – киваю я. – Но не хакер.

Она просто пожимает плечами, когда я встаю, чтобы заварить еще одну чашку чая. Если мои руки ничем не заняты, они начинают дрожать.

– Почему? Зачем моему бывшему мужу, пусть и ставшему хакером, отправлять мне фотографию мальчика, который, как мы все знаем, просто не может быть моим умершим сыном?

– Может, потому что он ублюдок? Или потому, что он хочет усилить твое чувство вины, добавить эмоционального дерьма к тому грузу, который и так на тебя давит? Может, хочет, чтобы ты свихнулась? А вдруг «Январь 2013» совсем

не означает, что этот мальчик – Дилан, может, он так хотел показать, что Дилан выглядел бы вот так, если б ты... ну, если б он, в общем, ты сама знаешь...

– Знаю.

– У тебя сохранились фотографии Дилана? В альбоме, который отдал твой отец?

– Да, где-то лежат, – рассеянно отвечаю я, не собираясь их доставать. – Не думаю, что это дело рук Марка.

Марк был в отчаянии после потери нашего сына (да любой мужчина был бы в отчаянии), но пытался меня поддержать. Он даже два раза приходил на свидания в «Окдейл»². Оба раза трясся как осиновый лист и едва ли поднимал на меня глаза, но мне было приятно, что он пытается меня простить. Затем посещения прекратились. Через несколько недель я получила письмо с уведомлением о начале процедуры развода и написанную от руки записку от Марка: «Прости». После этого Кэсси соорудила мишень для дартса из имевшихся у меня фотографий Марка и бросала по ней скомканные влажные бумажные полотенца, чтобы меня развеселить. В «Окдейле» нам не разрешалось играть в дартс – дротики там под запретом. Нам даже остро заточенные карандаши не разрешали.

– Значит, это просто шутка, – пытаюсь убедить сама себя. – Не угроза. Только слово «шутка» подразумевает что-то веселое, а где тут веселье?

² Имеется в виду Окдейлский институт психиатрии.

– Значит, розыгрыш или – как это называется? – мошенничество. Тебя хотят как-то надуть.

Вот такой Кэсси становится, когда решает, что она права. Она постукивает по столу длинными голубыми ногтями, покрытыми гель-лаком: значит, ей хочется курить. По-моему, эти ногти символизируют полную трансформацию Кэсси после выхода из «Окдейла». Когда мы только познакомились, ногти у нее были обгрызены и на них оставался старый облезавший лак. Я помню, как она нетерпеливо что-то выстукивала теми пальцами. Это все в прошлом, также исчезли короткие джинсовые юбки и топы, открывающие пупок. Теперь ее одежда полностью закрывала тело, а лак на ногтях никогда не облезал.

– Розыгрыш, да, конечно, – рассеянно повторяю я. – Должно быть, розыгрыш. Точно не угроза.

* * *

Я избавляюсь от Кэсси как можно быстрее, притворяясь, будто у меня много дел. Она знает, что я вру, но понимает намеки, не задает вопросов и целует меня, оставляя ярко-розовый отпечаток губ у меня на щеке и мокрое бумажное полотенце в раковине.

В сотый раз верчу в руках конверт и вдруг замечаю то, на что не обратила внимания раньше – и мои руки покрываются гусиной кожей. На конверте нет ни марки, ни почтового

штемпеля. Вероятно, он лежал на коврике еще до того, как принесли почту. Тот, кто его принес, подходил к моему дому, стоял у моей входной двери и тихо подбросил фотографию, пока я находилась на кухне. От этой мысли мне становится физически плохо, меня тошнит, и я прикрываю рот рукой. *«Это не угроза»*. Нет смысла так угрожать. Если это угроза, то дурацкая. На угрозу на самом деле даже нет намека. Только искусно поданное предупреждение о том, что некто знает, как меня зовут. Некто знает, кто я такая. Знает, что я сделала. И этот некто стоял у моей двери.

Сил у меня больше нет. Желание бороться словно вытекло из меня, я опускаюсь на колени на холодный кухонный пол и рыдаю.

Глава 3

Джэк: 23 сентября 1987 года

Мальчика ударили по лицу ступней, затем он получил пяткой по ребрам. Он еще плотнее сжался в комок, из горла у него вылетел хрип или какое-то кряхтение, но слез не было – Джэк заметил это и невольно проникся уважением. Когда они увидели кровь, Райли сделал шаг вперед, но Джэк схватил его за руку – было еще рано. Требовалось подождать еще немного: пусть добавят мальчишке пару синяков, может, сломают ребро. С его наблюдательной позиции в двадцати футах³ избивение очаровывало и выглядело гладко срежиссированным. Джэк стоял, прислонившись к стене одного из панельных домов, выкрашенных в цвет дерьма. Услышав треск – словно ветка хрустнула, – он выпрямился, стряхнул пыль с рукава джемпера и жестом показал Райли, чтобы тот следовал за ним к месту развлечения. Хрипы и кряхтение прекратились.

– Отвалите от него.

Все трое парней замерли на своих местах, хотя один так и стоял, придавив ногой сломанное запястье пятнадцатилетнего мальчишки – словно тот мог куда-то сбежать.

³ 1 фут = 30,48 см.

– Какое ваше собачье дело? Что вам двоим тут нужно?

Парень номер один (Джсек понятия не имел, кто они такие) изобразил в воздухе удар – будто бил по голове воображаемого козла, оказавшегося перед ним. Чертов идиот.

– Что он сделал?

– Настучал на Харриса. – Парень номер два, который давил на запястье, еще сильнее вдавил его в землю. – Правда, Шекспир?

– Это не я, – послышалось тихое бормотание из кучи окровавленной одежды внизу.

– Тогда кто? – потребовал ответа парень номер три, судя по всему, тот самый Харрис. Он был самым крупным из трех нападавших, но, насколько видел Джсек, меньше всех участвовал в избиении. Может, не любил пачкать одежду. Разумно.

– Не знаю. Не я.

– Врешь, гаденыш. – Парень номер два уже собрался снова нанести удар, но Джсек оказался рядом с ним, схватил его за бордовый блейзер и оттолкнул в сторону.

– Я же сказал вам: отвалите от него. Он не стучал на вашего друга. Он говорит правду, это не он.

– Да? А откуда ты знаешь?

– Я знаю всё, придурок. Если хочешь узнать, кто настучал, походи проведай Майка Питерсона.

Харрис и Райли прищурились.

– Уверен?

– Да. И еще один момент. – Джек показал на лежащего на земле парня. – Теперь он со мной. Если у вас появятся к нему какие-то вопросы, приходите ко мне. Но если вы еще когда-нибудь его тронете, я вам обеспечу сломанные ноги – всем вам. Интересно, как тогда сложится твоя карьера в регби, Харрис, баранья ты башка.

Он задержал дыхание, даже челюстью не двигал. Харрис повернулся к своим парням и мотнул головой, показывая уходить. Все трое пошли прочь с таким видом, будто не сделали ничего плохо, просто поиграли в футбол.

– Ты как? – Райли приподнял парня, придерживая его за голову. Капитановы волосы, доходившие до плеч, пропитались смесью пота и крови. Он попытался повернуть голову, чтобы посмотреть на стоявшего над ним Джека, но сморщился, сжался и уставился в землю.

– Почему ты им это сказал? – Слова различались с трудом: разбитые губы уже начали опухать. – Питерсон... этого не делал. Это я.

– Я же заставил их остановиться, так? А то бы они все дерьмо из тебя выбили. Хочешь, чтобы я их снова позвал? Сказал, что ошибся? – Он повернулся в том направлении, куда ушли парни, зная, что они уже далеко и его не услышат. – Харрис! Эй, Харрис!

– Нет, прости, я не это имел в виду. – Парнишка поморщился от боли.

– Боже, ты в жутком состоянии. Пошли, отведу тебя к

себе домой. Моих родителей постоянно нет дома, но Люси тебе поможет.

– Кто такая Люси?

– Домработница. Я дико сопротивлялся, когда они заявили, что она будет жить с нами. Они ведь специально ее наняли, чтобы за мной следила. Но на самом деле она клевая – ей всего восемнадцать, у нее большие сиськи, и она делает классные бутерброды с сыром и ветчиной. Меня зовут Джек, а это – Мэтт. Почему они тебя называли Шекспиром? Это твое прозвище?

Парень попытался нахмуриться, но лоб заливала кровь.

– Нет. Я его ненавижу. Я набрал сто баллов за тест по английскому, и мисс Брэмолл назвала меня маленьким Шекспиром. И теперь все меня так зовут. Я...

– Мне нравится это прозвище, – перебил его Джек. – Благодаря ему тебя принимают за умного, а я люблю умных людей. Если хочешь, я буду использовать сокращенный вариант – Билли⁴. Это будет наша маленькая шутка. Мы же теперь друзья, да?

– Почему вы хотите со мной дружить? Я не такой, как вы и другие из ваших.

– Правда? А какие мы?

– Богатые. И... вы хорошо выглядите, ну и... все такое. Джек посмотрел на Мэтта, и они оба расхохотались.

– Ты голубой, Шекспир? Хочешь кого-то из моих друзей?

⁴ Билли – сокращение от Уильям.

– Нет! Я не это имел в виду. Я просто...

Джеск фыркнул. Неужели этот парень такой тупой и нудный? Однако ему можно будет найти применение.

– Пошли, помоем тебя и приведем в порядок.

Глава 4

Как и в большинство других суббот, город был заполнен подростками, парочками и мамочками, тянувшими за собой нивших малышей. Все шатались в районе нескольких оставшихся в городе магазинов и кафе.

– Кризис сильно ударил по городу. – Роузи Фэйрклоу подает мне большой кусок липкого теплого шоколадного кекса. – Нам нужно побольше молодежи типа вас, чтобы деньги начали возвращаться в город.

Я с трудом сдерживаю смех. Роузи изменила бы свое мнение, если б имела хоть какое-то представление о том, кто перебрался в ее сонный маленький городок. Вот *это* была бы тема для любящих посплетничать местных тетушек.

Впиваюсь зубами в свой кусок шоколадного кекса, может, излишне жадно, и рискую украдкой выглянуть в окно. Ничего нового – только мощеные улицы, на которых полно людей. Я качаю головой и чувствую себя глупо, пытаюсь напомнить самой себе, что живу не в низкобюджетном шпионском фильме. Никто за мной не следит. Мне нужно попытаться забыть все случившееся сегодня утром, эту глупую *шутку*, поэтому я перевожу внимание на окружающих меня людей.

Еще одна женщина сидит у стойки, погружившись в свои мысли, с кусочком морковного кекса, но не набрасывается на него так, как я. Ей примерно столько же лет, сколько мог-

ло бы быть моей маме, но в отличие от мамы, непохоже, что ей нужно беспокоиться о фигуре. Однако по выражению ее лица понятно: у нее что-то не так. Длинные светлые волосы закрывают лицо, когда она смотрит в раскрытую газету, но она их не убирает. Я задумываюсь о том, что же у нее произошло. Поругалась с любовником? Муж загулял? Или что-то гораздо хуже?

Она внезапно поднимает голову – словно я ее позвала, и видит, что я на нее смотрю. Смущаюсь и перевожу взгляд на дверь; мне очень не нравится, что она меня застукала. «Не надо так смотреть на людей, дорогая, – учила меня мама. – Это невежливо».

– Да, вы быстро справились. – Роузи видит крошки, оставшиеся от шоколадного кекса, и улыбается. – Принести еще кусочек?

«Боже, да!»

– Боже, нет.

Я смеюсь излишне громко. Я всю жизнь веду борьбу с толстой маленькой девочкой, которая живет внутри меня. Еда меня успокаивает. Если я когда-то отказывалась от еды, мама обычно поворачивалась к папе и говорила: «Ой-ой, мне кажется, у нас возникла проблема, Лен». Мама обычно меня поддразнивала, но именно она виновата в том, что вся наша семья так любит поесть. Она прекрасно готовила, в особенности десерты, и мои подруги выстраивались в очередь, чтобы получить приглашение на чай. Моей коробке с завтраком,

которую я приносила в школу, завидовали все одноклассники. Рулеты, лимонный кекс с глазурью, малиновые меренги – меня можно было считать наркодилером в начальной школе. К огромному разочарованию моего мужа, я не унаследовала кулинарные таланты мамы, и ему приходилось довольствоваться восхитительным обедом у тещи раз в неделю по воскресеньям.

– Мои бедра мне этого не простят, – отвечаю я. – Роузи, можно задать вам один вопрос?

Глаза у пожилой женщины загораются так, словно я предложила ей отдать выигрышный лотерейный билет. Роузи – кладезь информации, которая бьет из нее фонтаном.

– Что за люди здесь живут? Проблем много возникает? Роузи качает головой.

– О нет, дорогая. То есть я хочу сказать, дети в городе время от времени устраивают драки, обычно в субботу вечером, но больше ничего такого. А у вас возникли какие-то проблемы? Вам кто-то досаждают?

Мгновенно жалею, что вообще об этом спросила. Я и так знала, что Роузи сплетница, но теперь задумываюсь, не станет ли она специально выискивать информацию. Не бросится ли она к компьютеру сразу после моего ухода, чтобы поискать в Интернете, что там есть о тайнах из прошлого Эммы Картрайт? Ах, паранойя, моя давняя подруга, мне тебя не хватало в последний час.

– На самом деле ерунда, – с легкостью вру я. – Сегодня я

нашла яйцо у себя на крыльце и задумалась: может, местные жители не хотят, чтобы новые люди переезжали в город.

Роузи выглядит разочарованной.

– Это дети, дорогая. Видите ли, наш городок отличается от других маленьких городков, где все всё знают. Мы по большей части держимся сами по себе. Не беспокойтесь по этому поводу.

– Нет, конечно, нет, – отвечаю, испытывая облегчение от того, что моя невинная ложь не вызвала поток других вопросов. – Я так и подумала, что это чья-то шалость.

* * *

Кусок шоколадного кекса лежит у меня в животе тяжелым грузом, когда я выхожу из кафе; слова Роузи крутятся в сознании: «Видите ли, наш городок отличается от других маленьких городков, где все всё знают». Перед освобождением из «Окдейла» меня предупреждали, что нужно быть готовой к враждебности, если люди узнают, кто я. Я была готова к факелам и вилам, но не ожидала, что меня будут выслеживать и играть со мной в игры. Но факт оставался фактом: глупая это шутка или нет, но кому-то известны мои старые имя и фамилия. А это означает, что им также известно, что я совершила.

Колокольчик над дверью маленького магазинчика на площади громко звенит, когда я захожу внутрь. Ладлоу – город

вкусной еды, он может похвастаться лучшей домашней кухней в Шропшире и придуманными здесь блюдами. В сентябре каждый год проходит кулинарный фестиваль. Толстая девочка внутри меня *обожает* Ладлоу.

– Эмма, я очень рада вас видеть. – Кэрол широко улыбается, заметив меня в дверном проеме. – Как вы?

– Буду чувствовать себя еще лучше, если получу упаковку вашего камамбера и какой-нибудь хлеб с толстой корочкой.

Кэрол, исчезнув на секунду, возвращается с коричневым бумажным пакетом и вручает его мне. Он все еще теплый на ощупь, и я улавливаю запах свежего хлеба, который лежит внутри.

– И еще бутылку вина.

Кэрол приподнимает брови.

– Собираетесь что-то праздновать?

Заставляю себя улыбнуться.

– Нет, просто люблю есть с комфортом. Может, когда-нибудь расскажу вам про то, как получаю удовольствие от еды.

Она достаточно вежлива и не давит на меня, не задает дополнительных вопросов. Мы с Кэрол называем друг друга по имени с тех самых пор, как я обнаружила этот маленький магазинчик, но мы не подруги. Мне кажется, я никогда не смогу быть близка ни с одним человеком, который не знает о моем прошлом. Это слишком рискованно.

– Наслаждайтесь.

Она берет у меня деньги, а я снова выхожу на улицу. Ра-

зум подсказывает, что нужно отправляться домой и уничтожить фотографию, но когда я поворачиваю в направлении дома, вижу то, чего быть не должно. Это невозможно! Впереди стоит стройная женщина с длинными прямыми темными волосами. Она слегка наклоняется, чтобы крепче взять руку маленького мальчика, который вертится рядом с ней. Того маленького мальчика, который сегодня улыбался мне с фотографии. *Моего сына.*

* * *

Я пытаюсь ее позвать, но у меня перехватывает дыхание. Вместо этого я делаю несколько неуверенных шагов, потом срываюсь с места и бегу.

– Дилан! – удается мне выдать из себя.

Это не может быть он, это совершенно невозможно. Но это он. Увидев его после всех этих лет, мне хочется броситься перед ним на колени. Как мой сын смог оказаться так близко от меня после того, как был так далеко все это время?

Несколько человек поворачиваются, чтобы посмотреть на меня. Мой сын и похитительница моего ребенка не оборачиваются. Может, мне так только кажется, но похоже, что она ускорила шаг. Однако недостаточно – через несколько секунд я оказываюсь рядом с ними.

– Дилан!

Я вытягиваю руку, чтобы схватить маленькую ручку, но

хватаясь за рукав его темно-синего пальто. У меня в груди бурлит адреналин. Женщина поворачивается ко мне лицом.

– Что вы делаете! Уберите руки от моего сына!

Она подхватывает Дилана на руки, делает шаг назад, и я выпускаю его пальто. У нее на лице смешались страх и ярость.

– Это мой сын, это Дилан, это мой...

Я замолкаю, когда приходит осознание. Это не мой сын. Мой сын мертв, его больше нет, а этот маленький мальчик жметя к шее своей матери, потому что его дико напугала безумная кричащая женщина. Внезапно он кажется совсем непохожим на мальчика на фотографии, он не похож на меня, на Марка, ни на кого из нашей семьи. Этот маленький мальчик находится там, где и должен находиться – на руках своей мамы. Я теряю всю свою решительность, отступая на шаг. Мне хочется бежать, но ноги не слушаются. Женщина понимает, что я больше не представляю угрозу ни для нее, ни для маленького сына, и начинает наступать на меня.

– Вы сумасшедшая? Как вы посмели хватать моего сына? Мне следовало бы позвонить в полицию. Ненормальная!

– Простите, мне очень жаль, я...

Меня подводит язык, и я не могу найти слов. Мне хочется все объяснить, но как? Как описать руки, которые всегда кажутся пустыми? Сердце, которое болит от утраты? Глаза, которые видят мертвых детей на каждом углу? Как дать кому-то понять, тем более незнакомке на улице, что значит по-

терять того, кого ты носила в себе?

– Конечно, вам должно быть жаль! Вы сумасшедшая.

Пока женщина не отталкивает мою руку, я не осознаю, что она все еще вытянута.

– Она же извинилась, – звучит у меня из-за спины. Голос сильный и знакомый. – Она ошиблась. Может, стоит принять ее извинения и идти туда, куда вы шли?

Я чувствую облегчение, которое разливается по всему телу, когда мне наконец удастся повернуться и увидеть свою спасительницу. Кэрол. Слышу, как женщина у меня за спиной еще раз бормочет, что я сумасшедшая, но потом слышны удаляющиеся шаги – она ушла.

– Спасибо. – Я вижу людей, собравшихся вокруг. Они остановились, чтобы посмотреть представление. – О боже!

– Не обращайтесь внимания. – Кэрол аккуратно берет меня под руку, потом повышает голос и теперь обращается к собравшимся: – Им просто нечего делать.

Пара людей выглядит пристыженными, одна женщина пожимает плечами, группа подростков хихикает. Но они все уходят.

– С вами все в порядке? – мягко спрашивает меня Кэрол.

Со мной совсем не все в порядке, но от ее доброты у меня на глаза наворачиваются слезы. Я шмыгаю носом и киваю.

– Все будет нормально, я просто ошиблась. Сморозила глупость. А почему вы пошли за мной?

Кэрол протягивает кусочек бумаги.

– Вы это уронили, когда доставали кошелек.

Я не узнаю бумажку, но рука автоматически тянется вперед. Это вырезка из газеты, когда я подношу ее поближе к глазам, то все понимаю. На меня с черно-белой фотографии смотрит мой сын. Эта фотография была сделана через несколько дней после его рождения. Заголовка нет, но даже по прошествии стольких лет я его помню: «Мать получила шесть лет за убийство сына».

– Я не могла... – начинаю я, отрицая, что эта фотография могла лежать у меня в сумке, но обеспокоенный взгляд Кэрол заставляет меня замолчать. «А откуда еще она могла вывалиться?» – Да, это мое. Спасибо. Еще раз спасибо.

– Вы уверены, что с вами все в порядке?

Я снова киваю, на этот раз увереннее.

– Да. Спасибо, Кэрол, но мне нужно идти. Простите.

Судя по виду, женщина хочет сказать что-то еще, но решает этого не делать. Слава богу!

– Я живу всего через несколько домов от вашего, если нужно, обращайтесь, Эмма.

Я снова киваю, потом до меня доходит смысл ее слов.

– Вы что, простите?

Она смущается.

– Простите, я думала, вы знаете. Мы живем на одной улице.

Нет, я не знала. Почему я этого не знала? Я ходила тут четыре недели и не замечала никого и ничего вокруг себя?

Но Кэрол меня определенно видела... А кто еще за мной наблюдал?

– Эмма? Вы уверены, что с вами все в порядке? Выглядите вы не совсем здорово.

Мне никогда раньше так не требовался человек рядом, как в эти минуты, но сейчас не время и не место приглашать незнакомку в мою жизнь. Даже ту, что управляет магазинчиком, в котором продают вино и сыр. Что мне сказать новой подруге? «На самом деле, сегодня утром кто-то узнал, что я убийца, а теперь меня мучают галлюцинации о моем мертвом сыне, и еще я ношу при себе его фотографии, не зная, что они у меня есть. Так что, на самом деле, неплохо было бы выпить чашечку чая или кофе. У вас или у меня?»

– Нет, со мной все в порядке, – говорю вместо этого. – Спасибо вам еще раз.

Глава 5

В библиотеке пусто, даже для субботы. Я бесцельно шатаюсь по городу, плотно сжимая в руке газетную вырезку – так сильно, что пальцы запачкались типографской краской. На одной боковой улочке я набрела на большое каменное здание.

Когда я приближаюсь к стойке, сидящая за ней суровая женщина даже не удосуживается поднять голову. На бейджике у нее написано «Эвелин».

– Что желаете? – спрашивает она, не отрывая головы от огромного библиотечного каталога, лежащего перед ней, и мне остается только смотреть на копну седых волос.

– М-м, мне хотелось бы получить читательский билет.

При звуке моего голоса женщина удивленно поднимает голову.

– О, простите, дорогая. – Она улыбается, и ее суровое выражение сменяется добродушием. Разительная перемена! Она понижает голос: – Я решила, это опять тот тип, который сидит в углу. – Женщина кивает на подозрительного мужчину в зеленой вощеной куртке и мягкой фетровой шляпе, который устроился в углу и с решительным видом уставился в один из мониторов. – Он уже достал меня своими жалобами на интернет-ограничения из соображений безопасности. Я боюсь к нему подходить и смотреть, что он пытается найти.

Ради всего святого, это библиотека, а не слет деятелей порноиндустрии.

Я не могу сдержаться, и у меня с губ слетает короткий смешок. Эта пожилая женщина, которая должна быть сдержанной, вслух произнесла в библиотеке слово «порноиндустрия», и это кажется нелепым и смешным. Она снова улыбается.

– Простите, дорогая. Как я могу вам помочь? Только читательский билет?

Через десять минут я сижу перед компьютером – как можно дальше от мужчины в фетровой шляпе, – а мои пальцы печатают слова «Дилан Вебстер».

Я всегда полагалась на поиск информации. Та маленькая комнатка, которую в «Окдейле» называли библиотекой, не идет ни в какое сравнение с этим заведением. Первые пару месяцев в «Окдейле» я даже не знала о ее существовании. Несколько недель тупо смотрела в стену нашей камеры, а Кэсси делала все возможное, чтобы вовлечь в разговор этот чистый холст, с которым она оказалась в одном замкнутом пространстве. Однажды она вернулась с рабочей смены в столовой во второй половине дня и взяла меня за запястье. «Вот оно, – подумала я. – Ее терпение лопнуло. Наконец она начнет меня бить. Может, я не выживу. Я снова воссоединюсь с Диланом».

– Это тебе, – объявила она, разжимая мои пальцы. – Возьми их и пошли со мной.

Я посмотрела на свою открытую ладонь. Три блестящих кружка серебристого цвета, которые в мире за этими стенами принесут не больше пользы, чем фишки, которые дети используют в играх в виде денег. Но эти кружочки ценились в «Окдейле» выше, чем золотые слитки. Мы называли их жетонами, это был наш вид денег, которые можно было заработать упорным трудом, еще их выдавали за хорошее поведение. За жетоны в нашем заведении можно было купить разные нужные вещи – сигареты, новое нижнее белье, журналы и доступ в элитные зоны, например, в спортивный зал. Или библиотеку. Кэсси подняла меня на ноги, и я позволила ей вывести меня из камеры. Мы отправились по коридорам со стальным полом в общее крыло. На двери слева от зала, где проходили общие встречи и собрания, висела табличка «Библиотека». Я никогда раньше не обращала на нее внимания. С одной стороны двери находилось прямоугольное отверстие, над которым было написано: «Три жетона за полдня», там же виднелась щель для карточки-пропуска. Кэсси достала из кармана мою карточку (бог знает, когда она ее украла – это показывает, как я относилась к своим вещам в первые дни), вставила ее в щель и опустила жетоны.

– Иди, у тебя полдня. – Она толкнула дверь, затем слегка подтолкнула меня. – Иди и поищи все, что только можно про эту хрень, о которой доктор Шейки все время треплется на сеансах психотерапии. Пуэр-что-то-там.

– Пуэрперальный, – пробормотала я, не в силах произне-

сти то, что на самом деле хотела. – Пуэрперальный психоз ⁵.

– Да, я про него и говорила. Когда выйдешь, может, меня просветишь. Расскажешь все, что узнала.

И именно в той темной тихой комнатке, напоминающей пещеру, я узнала все о своем состоянии. Там было всего тридцать три полки, два компьютера и такие серьезные ограничения, что можно было считать везением, если удавалось добраться до чего-то более серьезного, чем картинки пушистых кроликов. Чем больше я говорила с Кэсси о том, что мне удалось узнать, тем понятнее становилось произошедшее. На мое душевное состояние повлияло ЭКО, а потом кесарево сечение, которое бывает таким травмирующим, что у женщины начинается глубокая послеродовая депрессия. А я списывала усталость, забывчивость и раздражительность на недостаток сна.

Образы, которые я так хотела спрятать подальше, прилагая огромные усилия, просачиваются в мое сознание, как вода сквозь камни. Я просыпаюсь на больничной койке, причем просыпаюсь внезапно, глаза резко распахиваются.

– Мой ребенок! Помогите! Где мой ребенок?

В палате пусто, я одна. Когда я пытаюсь сесть, мой живот яростно протестует. Что со мной произошло? Что случилось с моим ребенком?

– Эй, эй, не двигайся. – Через несколько секунд рядом со мной оказывается Марк и большим пальцем нажимает кноп-

⁵ Пуэрперальный психоз – послеродовой психоз.

ку вызова медсестры. – Все в порядке, любимая, только не садись.

– Что с ребенком, Марк? С ребенком все в порядке?

Я прижимаю руки к животу. Он вздутый и твердый, я чувствую легкое шевеление внутри, и оно подсказывает мне, что все в порядке. Мне тепло и комфортно, и я вздыхаю с облегчением.

В палате пахнет антибактериальным мылом. Этот запах до сих пор напоминает мне про болезнь и рак, про то время, когда угасала мама. Марк улыбается, но до того, как он успевает что-то сказать, в палате появляется еще один человек, женщина. Волосы цвета грязный блонд стянуты в неряшливый пучок, но я не могу рассмотреть ее лицо.

– С ним все отлично, с ребенком все отлично, – шепчет Марк. Его улыбка становится шире, словно мне следует что-то знать, что-то понять, но я не знаю и не понимаю. – С ним все в порядке, учитывая все случившееся. Ты сможешь его увидеть после того, как тебя посмотрит врач.

– Ты о чем? – Я еще раз прижимаю руку к животу. – Мне еще раз сделали УЗИ? Тебе сказали, что у нас мальчик? Что не так?

Марк говорит мягким, успокаивающим голосом:

– У тебя начались роды, дорогая. Помнишь? Возникла проблема с ребенком, тебя пришлось ввести в состояние искусственной комы. Не помнишь? Ты сама сказала, чтобы делали. Ты дала согласие на операцию.

«Ты дала согласие на операцию». Почему слова моего мужа звучат так, будто их произносят выступающие по телевизору юристы? О чем он говорит? Почему эта женщина смотрит на меня с такой жалостью?

– Мы едва успели, – объясняет женщина. – Ваше состояние было критическим. Ребенок плохо реагировал. Нам потребовалось достать его как можно быстрее. Но сейчас с ним все в порядке, он в интенсивной терапии. Давайте я приглашу врача?

– Он такой красавчик, Сюзан. Я так тобой горжусь. Хочешь посмотреть фотографию? – Марк достает телефон и показывает мне снимок самого крошечного младенца, которого я когда-либо видела. Почему он мне ее показывает? Он же не пытается сказать, что...

– Марк. – Теперь я говорю более жестким тоном. Мне нужно, чтобы он прекратил показывать мне какие-то дурацкие фотографии и улыбаться как идиот. – Что происходит? Чей это ребенок?

Я вижу, как меняется выражение его лица – оно вытягивается, морщинки в уголках глаз (я называю их «морщинками счастья») разглаживаются.

– Сюзан, это *наш* ребенок. Тебе сделали кесарево сечение, и наш сын появился на свет. Это он.

Он снова сует мне под нос телефон, и я чувствую, как меня охватывает ярость, накатывает словно волна, и еще я поставлена в тупик. Все эти эмоции выплескиваются на по-

верхность. Я резко бью его по руке. Застигаю его врасплох, и ему не удается удержать телефон, тот летит через всю палату и врезается в стену.

– Прекрати мне это показывать! Это не мой ребенок! Он здесь! Я его чувствую!

– Боже, Сюзан. – Марк вскакивает и бросается к своему драгоценному айфону, затем поворачивается ко мне. Он покраснел, глаза прищурены. – Зачем ты это сделала? Ты себя слышишь? Это наш ребенок, *твой* ребенок.

Он врет. Я бы знала. Я бы знала, что родила! Он сам держал бы меня за руку, когда я тужилась и кричала, я бы услышала крик своего ребенка, я прижала бы его к груди. Я бы знала.

– Ты ошибаешься. Это не мой ребенок. Это не мой ребенок.

Потребовались три медсестры, врач и большая доза седативных средств, чтобы меня успокоить. Я впервые увидела ребенка, которого, как они все говорили, я родила, только через четыре часа после пробуждения. Уставившись в маленькую пластиковую коробку, которую на тележке вкатили в палату, я не почувствовала никакой связи с маленьким мальчиком в ней. Я не верила, что с такой осторожностью возвращала его внутри себя на протяжении последних восьми месяцев. Возникло ощущение, будто меня обокрали – эти люди лишили меня таких ценных первых минут с моим сыном. Мне разрешили его подержать; медсестры нас сфото-

графировали и подбодрили. Тут наконец я начала ее ощущать – любовь, которая возникла с той самой минуты, когда я узнала, что у нас будет ребенок. Но все равно чувство несправедливости не ушло. Меня обманули. Вначале не произошло зачатие естественным путем, а теперь я еще и не родила естественным образом. Помню, как я тогда почувствовала, что, возможно, судьбой мне не предназначено становиться матерью.

Я думала, все молодые мамочки испытывают такие же чувства. Понять, как обстоят дела, мне помогли поиски информации в Интернете. После того первого дня в библиотеке я убирала мусор и мыла туалеты, отчаянно стараясь заработать жетоны, и проводила в библиотеке столько времени, сколько могла себе позволить. Еще мне требовалось вернуть Кэсси долг. Потом ко мне в камеру пришел один из надзирателей и протянул спасательный круг: предложил работу в библиотеке в обмен на неограниченный доступ к ее возможностям.

Но одну вещь я не делала никогда – не вбивала имя сына в поисковую систему. Я не представляла, насколько сложно будет нажать Enter и ждать несколько секунд, испытывая страшные мучения, пока на экране не появятся результаты.

Курсор висит над небольшим крестиком в углу экрана – я готова закрыть страницу, если кто-то подойдет слишком близко. Но затем появляются результаты. Целая страница ссылок на смерть Дилана, и каждый раз его имя выделено

жирным шрифтом. Первые несколько посвящены судебному процессу, я нахожу газетные статьи, которые читала в то время, но даже сейчас мне сложно принять факт, что они обо мне. Я вижу части заголовков вроде «Страдающая послеродовой депрессией мать получила шесть лет тюрьмы» и «Я не помню», – говорит убившая ребенка мать». Они появляются в профилях других Диланов Вебстеров в «Фейсбуке» ⁶ и «Линкедине». Во всех статьях одна и та же фотография – та, которую я держу в руке. Сердце колотится в груди и болит. Каждый заголовок напоминает о времени, когда я так старалась отправить все воспоминания в какой-то дальний темный уголок сознания.

Всплыло несколько статей, которые, как кажется, не имеют совершенно никакого отношения к Дилану, но, вероятно, где-то в них упоминается его имя. Я отправляю их все на принтер и даю себе обещание прочитать все дома, где можно грустить в спокойной обстановке. Все это время я думаю про газетную вырезку, которая, по словам Кэрол, выпала из моей сумки. «Кто ее туда подложил? Зачем? Я сама? Я спятила?» Пытаюсь избавиться от навязчивых мыслей.

Руководствуясь каким-то капризом, набираю имя своего бывшего мужа – Марк Вебстер. Появляются только услуги дизайнера (это не мой Марк) и профессиональный игрок в

⁶ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

дартс (точно не мой Марк). Затем наталкиваюсь на статью, которую уже видела раньше. Марк гордо смотрит на меня с экрана – Даремский университет рассказывает о том, каких успехов добились его выпускники. Помню, как он был доволен собой, когда эта фотография и статья «Где они сейчас?» были опубликованы в «Гардиан»⁷. Всему миру было объявлено, что Марк Вебстер – партнер в ведущей IT-фирме и важная персона в сфере информационных технологий. Я улыбалась, видя, как его распирает от гордости. Мне всегда нравилась его амбициозность и то, как он гордился своими достижениями. Статья в «Гардиан» была чем-то вроде штампа «Одобрено», знаком, что он на самом деле добился успеха.

Я и не заметила, что провела в библиотеке два часа. Температура воздуха упала, чувствовался холодок. Я дрожу, когда снова выхожу на улицу, заворачиваюсь в свой толстый вязаный кардиган и ускоряю шаг, чтобы побыстрее добраться до того места, где припарковала машину. Я не понимаю, что совершенно не обращаю внимания на то, куда иду, пока не врезаюсь в женщину, которая только что отошла от стены библиотеки.

– О господи! Простите.

Поднимаю голову и вижу блондинку из кафе, которую рассматривала.

⁷ «Гардиан» – ежедневная газета в Великобритании, основанная в 1821 году. Ее сайт – самый посещаемый из сайтов британских газет.

– Это я виновата.

Судя по виду, она совсем не нервничает из-за нашей неожиданной встречи и только неуверенно улыбается. Я хочу пошутить, чтобы ослабить напряжение (она выглядит очень напряженной), но понимаю, что меня могут принять за сумасшедшую, которая выслеживает людей, поэтому прикусываю язык.

– Не беспокойтесь, – отвечаю вместо этого.

Секунду кажется, что она скажет что-то еще, но после недолгого неловкого молчания она просто убирает за ухо выбившуюся прядь и проходит мимо меня.

Я очень рада попасть домой и устроиться перед камином с чашкой горячего шоколада и газетными статьями, которые разложены веером передо мной на полу. Все еще тяжело читать о судебном процессе, поэтому я пролистываю последние статьи, в которых имя Дилан Вебстер просто упоминается где-то в тексте. И надеюсь, что они не посвящены какому-то пловцу, участнику Олимпиады, имя и фамилия которого совпадают с именем и фамилией моего сына.

Нет, не посвящены. Первый заголовок бесполезен – сообщается о какой-то встрече выпускников университета. После прочтения второго заголовка я выпрямляюсь и внимательно читаю:

**СЕМЬЯ ИСЧЕЗНУВШЕГО СУДМЕДЭКСПЕРТА
БЕСПОКОИТСЯ О ПРЕКРАСНОМ ОТЦЕ**
Автор: Ник Уайтли. Опубликовано: 20.11.10

Через три дня после сообщения об исчезновении доктора Мэттью Райли его семья заявила о серьезной обеспокоенности из-за пропажи «восхитительного, надежного мужа и отца».

Его кузен Джефф Этуотер, тридцати четырех лет, в настоящее время находится в доме доктора Райли в Брэдфорде. Он сказал: «Это невероятно трудное время для семьи Мэттью. Мэттью – восхитительный, надежный человек, потрясающий муж и любящий отец. По доброй воле он никогда не бросил бы жену и двух очаровательных дочек, поэтому мы очень беспокоимся. Все здесь просто в отчаянии».

Кристи Райли, жена Мэттью, должна сегодня выступить на пресс-конференции.

Доктору Райли тридцать шесть лет, в последнее время он находился в центре внимания из-за его роли в вынесении обвинительного приговора Сюзан Вебстер – женщине, которую признали виновной в удушении ее сына Дилана. В последний раз доктора Райли видели выходящим из «Вейтроуза»⁸ в Брэдфорде с пакетом, в котором, скорее всего, были вино и конфеты, предназначенные для празднования восьмой годовщины его брака. Всех, кому что-либо известно о его местонахождении, просят связаться с полицией Западного Йоркшира по горячей линии, номера телефонов указаны на сайте полиции.

Мэттью Райли. Я его помню? У меня в голове проплывают

⁸ «Вейтроуз» – сеть британских супермаркетов.

образы, которые мелькали передо мной во время судебного процесса, где присутствовало только мое тело. И вдруг я вижу его. Врач выглядел очень молодо, чтобы выступать экспертом, но судя по газетной статье, он старше меня. Я помню, как старалась сосредоточиться, когда он появился на месте для дачи свидетельских показаний, потому что понимала, как это важно. Не знаю, в чем была причина – в стрессе, антидепрессантах, которые мне в больнице прописали врачи, или в том, что я не ела и не спала; после того как не стало Дилана, мне было невероятно сложно сосредоточиться на чем-либо. Отец сказал, что это горе, он точно также чувствовал себя после смерти мамы. Конечно, я тоже оплакивала уход мамы, но смерть Дилана я воспринимала по-другому – это была огромная черная дыра, находившаяся сразу же за полем моего зрения. Я знала, что она так и ждет, чтобы я сделала шаг. Тогда я соскользну в нее, и она поглотит меня навсегда. Требовались все мои силы, чтобы не сделать этот шаг.

Доктор принял присягу; к месту, где он сидел, подошел прокурор, жуткий маленький человечек, очень напоминавший великого и могучего волшебника из страны Оз, и мне приходилось прилагать усилия, чтобы не захихикать и не дать другим убедиться, что я – сумасшедшая. Я попыталась сосредоточиться на словах доктора, которого, как я теперь знаю, звали Мэттью Райли.

– ...не реагировал. Я проверил пульс, сердцебиение, ды-

хание. Я отметил время смерти – 16:06, но вскрытие показало, что смерть наступила примерно на два часа раньше.

– А где находилась Сьюзан Вебстер?

Давая свои первые показания, доктор смотрел на присяжных, но, услышав этот вопрос, повернулся ко мне и откашлялся. Ему явно было не по себе.

– Бригада «Скорой помощи» отвезла миссис Вебстер в операционную. Увидев ее на автомобильной стоянке, я решил, что миссис Вебстер мертва, но быстро выяснил, что она просто без сознания.

Прокурор какое-то время молчал, чтобы у всех было время переварить эту информацию, хотя я подумала, что это заявление едва ли является новостью для присяжных.

– Какие у вас были первые впечатления о причине смерти Дилана Вебстера?

Доктор Райли еще раз посмотрел на присяжных и снова стал говорить очень профессионально.

– Я посчитал, что Дилан стал жертвой так называемой смерти в колыбели, СВДС. – Он бросил взгляд на прокурора, тот кивнул, предлагая продолжать. – Синдрома внезапной детской смерти вроде бы внешне здорового ребенка.

У меня тогда затуманился взгляд. У меня не было четких воспоминаний о том дне. Дилан был жив, а затем мне сообщили, что он мертв. Я только знала, что его больше нет, и я ненавидела этого мужчину. Мне страшно не нравилось, что он говорил обо мне и моем сыне, используя слово «смерть».

– Вы можете объяснить, почему вы предположили такую причину смерти?

– К сожалению, синдром внезапной детской смерти остается самой частой причиной смерти детей в возрасте до года, и поэтому вполне естественно предполагать именно эту причину, если ребенок умер в своей кроватке и нет никаких внешних признаков насилия и еще чего-то, что могло привести к смерти.

– И что показало вскрытие?

– Во время вскрытия я нашел волокна с диванной подушки мистера и миссис Вебстер во рту у Дилана. Также наблюдались острая эмфизема легких и отек легких.

Не требовалось быть судмедэкспертом и медиком, чтобы понять, к чему ведут показания доктора Райли.

– Как вы определили причину смерти после того, как собрали все эти доказательства? – спросил прокурор с каким-то извращенным ликованием.

Доктор Райли даже не посмотрел на меня, давая убийственные свидетельские показания.

– Мое мнение как профессионала: Дилан Вебстер умер в результате гомицидного удушения.

– А если выразиться простым языком?

– Дилана Вебстера задушили подушкой.

Доктора Райли нашли? Его исчезновение как-то связано с моим делом? Я вздыхаю, тру лицо руками, потом сажусь на пятки. И тогда я слышу шум.

Нельзя отрицать, что я его слышала. В саду у черного хода слышен какой-то звон, словно кто-то стучит по мусорным бакам. Вскакиваю на ноги, быстро осматриваю гостиную в поисках средства защиты. Кочерга. Да, я знаю, это банально, но кочерга все равно лучше, чем свернутый трубочкой лист распечатки.

Проходит несколько минут, которые я провожу в ожидании за дверью гостиной. Уже начинаю чувствовать себя глупо, но тут снова слышу звук, уже другой. Кто-то дергает ручку двери черного хода и скребется, словно пытаюсь вскрыть замок. Проклятье! Я провела последние три года в институте психиатрии, не сталкиваясь ни с какими проблемами, а теперь мне предстоит встретить смерть в милом маленьком городке в Шропшире. Если б я не была так напугана, то, вероятно, увидела бы в сложившейся ситуации что-то смешное.

Кухня погружена во тьму – шторы опущены, – поэтому у меня нет возможности посмотреть, кто находится у двери. Моя единственная надежда – действовать неожиданно. Тот, кто пытается вломиться ко мне в дом, явно не опытный взломщик – он шумит уже минут десять, но дверь так и оста-

ется плотно закрытой. Я раздумываю, не распахнуть ли мне ее резко и не врезать ли кочергой по типу за ней в стиле «Пиратов Карибского моря». Но потом решаю: последнее, что мне требуется, – это еще одно обвинение в убийстве, на этот раз какого-то пьяницы, который перепутал дом и никак не может вставить ключ в замок.

Дверь прекратили трясти. Может, отчаялись и ушли. Продолжая сжимать кочергу в руке, я крадусь к кухонному окну и выглядываю между штор. За окном стоит густая тьма, и я вижу только собственное отражение. Внезапный удар по стеклу – и я дико ору от страха. Мне требуется целая минута, чтобы понять, что случилось. Крик переходит в нервный смех. На подоконнике сидит большой черный кот и бьет по окну лапой, требуя, чтобы его впустили. Это Джосс, местный дворовый кот, который постоянно у меня кормится. Я делаю глубокий вдох, открываю окно и выпускаю его.

– Какое же ты наглое глупое животное, – с любовью укоряю его. Адреналин уходит, уступая место облегчению, которое разливается по всему телу. Джосс трется об меня, совершенно не осознавая, что я только что из-за него пережила. Достаяю пакет его любимого корма, насыпаю в миску и, проверив заднюю дверь (заперта), возвращаюсь в свою уютную гостиную. Джосс преданно следует за мной, сворачивается клубком у камина и сразу же засыпает.

Я раздражена своей глупой реакцией. Единственное существо, которое среди ночи может красться по саду за моей

задней дверью, – дворовый кот, которому отчаянно хочется поужинать и заснуть в тепле. Какая же я идиотка. Тем не менее я проверяю все двери и окна. Лучше перепроверить, чем потом жалеть.

Глава 6

Джэк: 24 сентября 1987 года

– Эй, Шекспир, лови! – Джэк бросил в него конфету и рас- смеялся, когда она попала парню в грудь. – Медленно реаги- руешь.

– Спасибо. – Билли нахмурился. – А остальные когда при- дут?

Он уже три раза посмотрел на часы за те пятнадцать минут, которые находился дома у Джэка. В третий раз Джэк с трудом сдержался, чтобы не расхохотаться.

– Скоро. Ты что, нервничаешь?

– Нет.

Билли ответил очень быстро. Джэк видел, что тот врет: он специально оделся для этой встречи. Джэк считал, что парень выбрал самые лучшие свои вещи, но все равно его кроссовки ASICS и обычные темно-синие спортивные штаны и близко не стояли с тем, что носили остальные в их компании: они уже в двенадцать носили Nike и Fred Perry⁹. Хотя Билли, вероятно, думал, что Фред Перри – это владе- лец газетного киоска.

– Успокойся. Они не кусаются. Ну, по крайней мере, пока

⁹ Fred Perry – бренд спортивной одежды, выпускаемый компанией, которую основал английский теннисист Фред Перри.

я им не прикажу. – Джек нахмурился, когда его боец в Street Fighter¹⁰ опять погиб. Он бросил джойстик. – Какая скучная игра. Нам нужно что-то новенькое.

– Сколько у тебя тут всего!

Билли осматривал комнату Джека, не упуская ни одной мелочи. Все пространство занимали вещи, оставшиеся от его прошлых хобби: гитара, просьбами о которой он на протяжении многих недель надоедал родителям, но потом бросил ее после всего шести занятий; заляпанная грязью кроссовки, самые крутые в прошлом году, валялись на куртке, которая, вероятно, стоила дороже, чем все, что имелось в гардеробе Билли. На парня было забавно смотреть.

– Куча дерьма. Когда придет Адам, он захочет пойти на улицу и поиграть в следопыта. Твои красивые новые кроссовки могут запачкаться.

Джек улыбнулся, видя, как парень прилагает усилия, чтобы казаться невозмутимым. Он, вероятно, потом будет несколько часов их отмывать, перед тем как пойти домой. Ужасно, когда родители постоянно дома, все время спрашивают, куда идешь, с кем проводишь время. Но он ведь видел дом, в котором живет Билли. Конечно, только снаружи. Джек был уверен: в гости его никогда не пригласят. Он понимал, что в таком месте, словно размером с почтовую

¹⁰ Street Fighter – серия мультиплатформенных видеоигр. «Лицо» серии – японский каратист Рю, который на протяжении всей серии путешествует по всему миру в поисках достойных соперников. В боях принимают участие персонажи со всего мира.

марку, трудно не сталкиваться друг с другом.

Билли поморщился, услышав дверной звонок. Джек рас- смеялся и вскочил со стула.

– Я открою, – заорал он на случай, если кто-то был в доме. Джек проснулся в одиннадцать и Люси не видел. Веро- ятно, она ушла по магазинам, как делала каждую неделю, и не станет беспокоиться, если не застанет его, когда вер- нется. Родители Джека считали, что подросткам нужно давать свободу, но они также надеялись, что он не замеча- ет, как Люси роется в его школьном рюкзаке и проверяет дневник с домашним заданием.

Билли был в спальне, пока остальные поднимались по лестнице. Первым вошел Райли. Джек увидел, как Билли вздохнул с облегчением и расслабил плечи. Билли кивнул Мэтту.

– Все в порядке?

– Все в порядке, – улыбнулся Мэтт.

Второй вошедший парень сморщил нос.

– Ты еще кто такой?

Джек слегка толкнул его в руку.

– Не выпендривайся. Это Шекспир. Он теперь будет с на- ми.

– Что за дурацкое имечко? – ухмыльнулся второй па- рень. – Твоя мать злилась, когда тебя так назвала?

– Это кличка, придурок. Он отличник по английскому. Шекс, это Адам Харви.

Двое парней кивнули друг другу, но ни один не был рад знакомству.

– Выглядишь дерьмово. Что случилось? – спросил Адам.

Опять заговорил Джек, не давая новому другу ответить.

– Ты других не видел. Шекс их классно отделал.

– Их?

– Да, троих из Уэстлейка. Хорошо им поддал. Круто было! Я его увел оттуда, чтобы они не позвали никого на помощь. Правда, Райли?

Мэтт кивнул, и Адам посмотрел на Билли с невольным уважением.

– Здорово. Ты идешь с нами играть в следопыта?

– Конечно, идет. Где Питерсон?

Мэтт пожал плечами.

– Понятия не имею. Я его не видел со вчерашнего дня.

Джек приподнял брови, когда Билли нервно на него взглянул. Джек слегка его придержал, когда остальные стали спускаться по лестнице.

– Не беспокойся, – прошептал он. – Я никому не скажу, что ты втянул Майка в это дело.

Глава 7

В последние три воскресенья мы с Кэсси бесплатно трудимся в благотворительной организации, оказывающей помощь бездомным в Телфорде, в двадцати минутах езды от Бриджнорта, где живет Кэсс. Я стала волонтером, чтобы сделать что-то для общества, искупить свои грехи. Кэсс составляет мне компанию, потому что я ее об этом попросила. Хотя Кэсс настойчиво повторяет мне, что ничего за эту работу не получает и приезжает в ночлежку только чтобы «убить время», я знаю, в глубине души ей нравится мысль о том, что она делает что-то полезное. Очень глубоко. Однако в это воскресенье она появляется с робким и застенчивым видом.

– Я хочу извиниться за свое вчерашнее поведение, – в лоб заявляет она, пока я не успела открыть рот. – Я не хотела отмахиваться от фотографии. Просто не смогла ничего придумать.

Быстро оглядываюсь вокруг. В пределах слышимости никого нет. Сегодня в ночлежке почти пусто, и пока не появилась Кэсс, я в одиночестве сортировала пожертвованные вещи за столом в углу большого помещения и могла думать только о событиях вчерашнего дня.

Мне стоит рассказать ей все остальное? «И показаться сумасшедшей?»

Быстро рассказываю про вырезку из газеты в своей сумке,

про мой поход в библиотеку и то, что я там выяснила, а потом про испытанные страхи у меня дома.

– Вот дерьмо! Я понимаю, почему ты такая дерганая. Хочешь пожить у меня?

– Спасибо, но я пока не уверена, серьезно все это или нет. В дом ко мне ломился только Джосс.

– Пусть так, но кто подбросил тебе в сумку эту газетную вырезку? Это еще более странно, чем конверт под дверью, верно?

Я чувствую облегчение, ведь она не подумала, что я могла сама положить вырезку в сумку. Я не стала бы ее винить: такая мысль и меня саму посещала. В конце-то концов, у меня же бывали в прошлом провалы в памяти. Я делала вещи и похуже.

Нас прерывает Берни, менеджер благотворительного центра, которая приносит нам новую кучу пожертвований. С тех самых пор как я пришла сюда волонтером, не перестаю удивляться количеству людей, которые жертвуют ненужные вещи. Сюзан Вебстер из прошлого никогда не стала бы этого делать – она бы просто выбросила их. Не могу сказать, что мне было плевать на бездомных. Мне просто никогда не приходило в голову, что им можно таким образом помочь. Берни болтается рядом дольше, чем нужно, и это вызывает дискомфорт. Я вижу, что Кэсси тоже вся извелась.

Как только Берни уходит (сначала странно посмотрев на нас), Кэсси снова начинает говорить.

– А если это не Марк? – спрашивает она. – Кто еще хочет, чтобы ты считала, будто сходишь с ума? Может, его друзья? Мамаша?

– Мать Марка живет в Испании, я никогда в жизни ее не видела. Насколько мне известно, Марк даже не сообщил ей о рождении Дилана. Они серьезно поссорились незадолго до смерти его отца. – Я отбрасываю в сторону штаны с тремя дырками. Есть вещи, которые не подходят даже нуждающимся. – И мы упускаем очевидный момент. Как кто-то из них мог узнать, где я живу?

Кэсси качает головой.

– Это может узнать любой. Все, что требуется – Интернет и немного мозгов.

– Что ты думаешь про доктора Райли? Случившееся с ним имеет отношение к моему делу?

– Вероятно, нет, – заключает она. Наверное, у меня на лице отражается разочарование, потому что она быстро добавляет: – Хотя вообще-то его исчезновение выглядит подозрительно. Я могу ошибаться. Всегда ошибаюсь, когда пытаюсь угадать преступника в «Чисто английских убийствах»¹¹.

– Спасибо. – Милая попытка помочь мне почувствовать себя лучше в роли детектива-любителя. – Но ты, вероятно, права. Так что мне теперь делать? Я пугаюсь собственной тени. И ведь *кто-то* подбросил эту статью мне в сумку.

¹¹ «Чисто английские убийства» – британский детективный телесериал об убийствах, которые расследует инспектор Барнаби, по романам Каролины Грэм.

– Ну, если это Марк, то он, вероятно, находится где-то поблизости, правильно? Он же не станет тратить три часа на дорогу из Брэдфорда только для того, чтобы подбросить фотографию, а потом возвращаться домой.

Фу! Мне становится не по себе при мысли о том, что мой бывший муж украдкой перемещается по Ладлоу, а я об этом не знаю. Быстро оборачиваюсь на дверь ночлежки, и какая-то часть меня ожидает увидеть его там, стоящим в дверном проеме и наблюдающим за мной. Конечно, там никого нет.

– Но что мы будем делать? Звонить во все гостиницы в радиусе двадцати миль¹² и спрашивать, не останавливался ли у них Марк Вебстер?

– Или... – Кэсси растягивает слово так, что оно кажется в три раза длиннее обычного. – Мы можем позвонить ему домой и выяснить, ответит он или нет. Ты его номер знаешь?

Она достает мобильный, а я замечаю уголком глаза, что Берни подозрительно на нас смотрит.

– Давай отложим звонок, пока не вернемся ко мне домой.

Я накрываю телефон рукой и киваю в сторону любопытных глаз в одной с нами комнате.

Следующие три часа тянутся как три дня, и даже появление Ларри – моего любимого постояльца ночлежки – не помогает, я продолжаю думать про своего бывшего мужа и фотографию маленького мальчика. По-моему, это не в стиле

¹² 1 миля = 1609 м.

Марка, но прошло уже много времени с нашего последнего разговора. Люди меняются.

– Спасибо за сегодняшнюю работу, дамы.

После окончания смены Берни, как обычно, прощается с нами. Но тут мне в голову приходит одна мысль.

– Вы не видели здесь в последнее время никаких странных мужчин, Берни? В последнюю неделю или около того?

Она улыбается и кивает на Ларри.

– Вы имеете в виду, кроме тех странных мужчин, которые тут обычно болтаются? – поддразнивает она. Ларри похлопывает ее по руке.

– Что вы все о странных мужчинах? Почему не спрашиваете про странных женщин, которые тут появляются? – отвечает он со смехом.

Я тоже смеюсь, хотя он даже не знает, насколько прав.

Глава 8

Кэсси отправляется к себе переодеться, заявляя, что делает это совсем не потому, что находилась рядом с бездомными, и я в одиночестве еду домой. При виде пустого коврика, на котором обычно валяется почта, я одновременно испытываю облегчение и разочарование. В доме очень тихо. Тишина кажется зловещей и пугает. Я сразу иду в кухню, ставлю чайник и снимаю крышку с банки кофе.

Не знаю, в чем дело – может, фотография Дилана действует на меня как соль на рану, но от запаха кофе у меня начинает чесаться старый шрам размером с кулак в верхней части руки. Я автоматически поднимаю другую руку, чтобы почесать обожженную кожу. Воспоминание, которое я заперла в стальном сейфе у себя в сознании, просачивается наружу и возвращается. Я сижу в столовой, где столы напоминают пластиковые скамейки в парке, а стены такого грязного желтого цвета, что теперь никто не скажет, какой изначально тут был оттенок. Напротив меня сидит Кэсси и смотрит на холодную запеканку из картофеля с мясом, словно блюдо может превратиться в пиццу из «Доминос», если Кэсси достаточно сильно этого захочет. Краем сознания я чувствую, что за мной кто-то стоит, но не обращаю на это внимания, пока не слышу шипение рядом с ухом. Я до сих пор ощущаю жуткий сигаретный дым и вонючее дыхание, которое напо-

минает собачье дерьмо.

– Детоубийца.

Чувствую острую боль, которая разливается у меня по руке. Вначале думаю, что мне врезали кулаком; шок смешивается с ужасом, боль не стихает и становится только хуже. Кипяток прижег тюремную робу к моей руке; материал старается вжиться в руку, стать второй кожей. Голос Кэсси звучит у меня в ушах:

– Вот дерьмо!

Потом она бросается ко мне. На руку льется ледяная вода, а Кэсси отрывает рукав от рубашки.

– Врача позовите! – Слова звучат где-то вдали, словно я нахожусь под водой.

Через несколько дней, когда я вернулась в нашу комнату (персонал в «Окдейле» никогда не называл их камерами, мы были пациентами, а не заключенными), Кэсси рассказала, как мне повезло. Громадная Нетти Викерс, которая находилась в «Окдейле» за попытку убийства женщины, переспавшей с ее парнем, забыла добавить в воду сахар. Кэсси пояснила, что воду с сахаром невозможно смыть, в таком случае урон был бы больше. Я никогда не спрашивала, откуда она это знает, как не спрашивала и о том, что случилось с Нетти Викерс. Ее куда-то перевели, пока я находилась в лазарете. Хотя слухи до меня доходили. С ней произошел несчастный случай – на нее упал чайник с кипящей водой, и никто не мог объяснить, как в этой воде оказался сахар. Но

больше я никогда не слышала слова «детоубийца» по отношению к себе.

В дверь тихо стучат, а я так глубоко погружена в воспоминания, что вначале думаю – мне это послышалось. Нет, опять стучат – тихо, почти виновато. Есть две причины, объясняющие, почему я так пугаюсь обыденного стука в дверь. Первая очевидна: вчера утром я получила фотографию, на которой утверждалось, что это снимок мальчика, умершего почти четыре года назад. Вторая заключается в том, что за четыре недели жизни здесь ко мне еще никто не приходил, за исключением Кэсси, а у нее есть ключ. Когда ты прожил с кем-то столько времени, сколько я с Кэсси, кажется странным открывать этому человеку дверь, и ключ, который я отдала ей «на случай непредвиденных обстоятельств», стал использоваться каждый день.

Поэтому мне очень не хочется открывать дверь. Не обращать внимания на стук будет легко (я не хочу никого видеть). Но я никогда не могла допустить, чтобы телефон звонил и звонил: я всегда отвечаю. А теперь не могу допустить, чтобы человек, который стоит за дверью, ушел, а я потом весь день гадала бы, кто же это был. Лучше сразу со всем разобраться.

Когда я резко распахиваю дверь, стоящий за ней мужчина отступает на шаг.

– Миссис Вебстер?

Мне второй раз за два дня напоминают про эту фамилию, и я на секунду задумываюсь, правильно ли я расслышала,

или, может, мне только кажется, что все везде знают, кто я такая.

– Простите? Как вы меня назвали?

– Миссис Вебстер. Простите, меня зовут...

– Меня зовут не миссис Вебстер, – выплевываю я сквозь стиснутые зубы, глядя на высокого темноволосого мужчину, который стоит у меня на пороге. – Что вы здесь делаете? Вы журналист? Ведь журналист, да? Это вы мне прислали фотографию? Знаете ли, вы не должны здесь находиться. Почему вы не можете дать мне спокойно жить?

В моем голосе слышится отчаяние, когда слова вылетают изо рта, но ни одно из них не отправляет этого незнакомца прочь.

– Простите. Да, мне не следовало к вам так обращаться. – Он краснеет и выглядит взволнованным. Может, это его первый рабочий день, он нервничает, потому что его послали сюда на боевое крещение. Но первый день или не первый, я не собираюсь даже близко подпускать к своему дому ни одного гребаного журналиста. – Я не...

– Я вызову полицию!

– Нет, пожалуйста, не надо! – Мужчина поднимает руки вверх. – Я уеду. Простите. Мне не следовало приезжать.

Он разворачивается и удаляется быстрым шагом, почти бегом по дорожке. И тут я понимаю – если отпущу его, у меня останется больше вопросов, чем ответов. Зачем он сюда приехал? Это он послал фотографию? Чего он хочет?

– Подождите! – кричу, пока он не успел исчезнуть в своей машине. – Ждите там.

Я не позволю ему снова подойти к моему дому, поэтому сама спешу к нему, не думая о том, в каком уязвимом положении оказываюсь, ведь теперь не смогу захлопнуть дверь у него перед носом. Мужчина выглядел таким расстроенным при упоминании полиции, поэтому не думаю, что он набросится на меня на виду у всей улицы.

Он садится в машину, а у меня появляется больше времени, чтобы толком рассмотреть гостя. Теперь, когда цвет его лица вернулся к обычному (красивого загара), а не напоминал красный почтовый ящик, он выглядел весьма симпатичным. У него красивые голубые глаза, и он примерно одного возраста с моим мужем. Бывшим мужем. Я должна прекратить так о нем думать.

До того как мужчина успевает уехать, я стучу в боковое стекло его машины, надеясь, что не выгляжу сумасшедшей, хотя действую так, словно съехала с катушек. Он немного опускает стекло – очевидно, чтобы я не могла на него напасть.

– Зачем вы сюда приехали? Вы оставляли вчера конверт у моей двери?

Он этого не делал: вижу непонимание у него на лице.

– Нет. А почему вы подумали, что это сделал я?

– Потому что вы назвали меня миссис Вебстер. Вы знаете, кто я.

– Кто-то вам что-то послал?

Я слишком поздно понимаю, что сообщила журналисту много лишнего. Он не знает – не знал – ничего про фотографию, а теперь учуял хорошую тему.

– Нет. Забудьте об этом, это не ваше дело. Я не заинтересована в интервью. Я видела вас раньше?

– Я присутствовал на... м-м-м... судебном процессе над вами.

Значит, он не новичок, он писал обо мне, пока меня судили. Интересно, к какому лагерю он примкнул: мать-чудовище или бедная несчастная душа?

– В какой газете вы работаете?

Меня это интересует? Я вступила в разговор с этим мужчиной?

– Я просто хотел поговорить с вами. Я знал...

– Как вас зовут?

Он колеблется, и я задумываюсь, не из-за того ли, что я преступница. Он-то знает все детали моей жизни, но я не должна выяснить ничего о нем.

– Ник, – в конце концов отвечает мужчина.

Он выглядит вполне безобидным со своими стоящими торчком черными волосами и очень-очень голубыми глазами. Мне даже приходится напомнить себе, как я ненавижу журналистов. Мне известно, как «Я просто хочу с вами поговорить, только и всего» может на следующее утро превратиться в эксклюзив на первой полосе под заголовком «Я

ненавижу всех маленьких детей».

– Простите. Я все равно не заинтересована. Просто оставьте меня в покое, пожалуйста, дайте мне жить спокойно.

Он кивает и на несколько секунд мне кажется, что ему меня жалко. Жалость лучше ненависти, самую малость.

– Если передумаете... – Мужчина достает блокнот и пишет на нем номер. – Вот, возьмите.

– Я не передумаю, – заявляю, но все равно беру листок бумаги.

Когда он поднимает стекло и уезжает, резкий мужской запах все еще долго витает вокруг.

Глава 9

Когда приезжает Кэсси, я все еще не пришла в себя от встречи с журналистом и воспоминаний о Нетти Викерс. Ключ поворачивается в замке, у меня немного учащается сердцебиение, пока я не слышу ее голос.

– Эй, есть кто-нибудь дома? – Она проходит на кухню, где я сижу за столом. – С тобой все в порядке? Что случилось? Еще одну фотографию прислали?

– Нет, хуже. Журналист.

Я быстро пересказываю то, что произошло за последние двадцать минут, и чем больше я говорю, тем злее становится ее лицо. Кэсси очень красивая женщина, но если она сильно разозлится, то ведет себя так, что я вспоминаю обо всем, через что она прошла. О шрамах у нее на теле и в душе, о том, какой жесткой и непримиримой она стала после всех испытаний. Мне удалось увидеть ее шрамы всего один раз (она думала, я спала), и в результате я молча плакала, а Кэсси пришла в ярость. Она долгие годы трудилась над тем, чтобы создать образ матерой жестокой убийцы, которую не трогает ничего, какой ее и считали люди. Я почти уверена, что единственный человек, на протяжении долгого времени видевший настоящую Кэсси со всеми ее шрамами, – это я.

– Если он сюда вернется, то получит больше, чем рассчитывал, – предупреждает она. Я улыбаюсь.

– Не думаю, что он вернется. Он очень испугался, когда я пригрозила ему полицией. Как ты думаешь: это совпадение? Вчера письмо, сегодня он?

Кэсси обдумывает мой вопрос, ее ногти, сегодня кораллового цвета, рисуют узоры на столе.

– Да, вероятно. Он выглядел сбитым с толку, когда ты упомянула фотографию. Взгляни правде в глаза: тебе не обеспечили никакой защиты после освобождения, ты сама решила поменять имя и фамилию. Наверное, найти тебя не так сложно, ты не Усама бен Ладен.

– Как здорово. Спасибо.

– Может, заведем сторожевую собаку?

Кэсси хотела, чтобы я завела собаку сразу после освобождения. Никаких забот для нее, а она сможет играть с животным, когда приезжает.

– Это не понравится Джоссу.

Она морщит нос.

– Еще одна отговорка. А это что? – спрашивает Кэсси, когда я бросаю найденные в библиотеке статьи на стол рядом с ней.

– Материалы о докторе Райли и кое-что о судебном процессе. Надеюсь, ты посмотришь на них свежим взглядом. Может, я что-то пропустила.

– Ты прямо Джонатан Крик ¹³, – бормочет Кэсси себе под

¹³ Джонатан Крик – помощник фокусника, герой одноименного британского детективного телесериала. Вместе с журналисткой Маделин берется за расследо-

нос, просматривая страницы. – Только я ничего не вижу. Хороший семьянин... две красивые дочери... Готова поспорить: жена собиралась уйти от него к банкиру, который вел финансовые дела их семьи, или кому-то в этом роде. Не хочется мне тебя расстраивать, Сьюз, но, вероятно, это все-таки совпадение.

Я разочарована, но понимаю, что она права. Я прочитала слишком много детективных романов.

– Еще одно? Сколько их было за эти выходные.

Кэсси прикусывает нижнюю губу.

– Мне кажется, я нашла еще одно. Вот, взгляни.

Она передает мне статью про Мэттью Райли и показывает пальцем на фамилию автора. Ник Уайтли.

– Черт! Думаешь, это он? Вот это совпадение.

– Как ты считаешь: он что-то знает про исчезновение Райли? Может, он как раз о нем хотел тебя расспросить?

– Может, мне следовало с ним поговорить? Он сам сказал, что хочет только поговорить, но я его так быстро выгнала, что возможности сказать хоть что-нибудь у него не было.

– Кому на этой земле можно доверять меньше всего? Три варианта.

– Мужчинам, полиции и журналистам, – повторяю знакомую мантру. – Но он не показался мне страшным. А если я просто выясню, что он хотел, а сама не скажу ему ни слова?

Кэсси притворяется, будто обдумывает мои слова.

– Хорошо, мы ему позвоним. Но если он не сможет нам помочь, закопаем его на заднем дворе.

Я уверена, что она шутит, но иногда точно определить невозможно.

– Мне позвонить? – Кэсси берет со стола бумажку с нацарапанным номером телефона и достает мобильник. – Со-единилось, но пока не берет, – шепчет она.

– Дай мне.

Я тянусь к телефону, но она быстро отходит танцующей походкой.

– Алло, это мистер Уайтли? – По телефону она говорит совсем другим голосом, не узнать. Прямо деловая женщина. – Меня зовут Джулия Уильямс, я звоню от имени Сьюзан Вебстер. У нее есть к вам несколько вопросов, и она хотела бы узнать, можно ли с вами встретиться.

Кэсси хмурится, затем корчит гримасу, глядя на телефон, и протягивает его мне.

– Он хочет с тобой поговорить. Строго следуй плану, – шипит она. Я даже не знала, что у нас есть план.

– Миссис Вебстер, это вы?

– Да. Мы можем встретиться, мистер Уайтли?

– Зависит от обстоятельств. Что вы от меня хотите?

Что у нас в плане на этот случай?

– Хочу знать, почему вы пришли ко мне домой.

– Я могу ответить на этот вопрос по телефону. Я просто хотел с вами поговорить, задать вам несколько вопросов,

узнать, как у вас сейчас складывается жизнь, спросить, что вы чувствовали, когда муж отказался вас поддерживать. Назовите это просто интересом одного человека к другому. Хотите рассказать мне вашу версию истории?

– Никогда. – Я закрываю глаза.

– Тогда что вы от меня хотите?

По крайней мере, он честен. Может, стоит попытаться сказать правду.

– Мне нужна информация. Мне нужна ваша помощь.

– Я на полпути в Донкастер, миссис Вебстер. Вы просите меня развернуться и вернуться в Ладлоу, чтобы оказать вам любезность?

– Конечно, нет. Мы приедем к вам. Завтра, если вас это устраивает. Можете предложить какое-то место?

Мы договариваемся о встрече в ресторане в получасе езды от его дома. Нам туда добираться два часа. Когда я отключаюсь, Кэсси вопросительно смотрит на меня. Я ввожу ее в курс дела.

– Доставай свое лучшее платье, потому что нам нужно убедить этого мужика, что мы не две сумасшедшие, как считает весь остальной мир.

«Проше сказать, чем сделать». Да послушать нас сейчас и посмотреть, чем мы занимаемся – сразу подумаете, что с головами у нас не в порядке. Кэсси выполняет все задуманное – для начала набирает «141»¹⁴, потом домашний номер

¹⁴ Чтобы скрыть номер звонящего, в Великобритании перед набором номера

Марка, который я ей дала. Он снимает трубку, ставя крест на теории о том, что он грустит в Шропшире и подбрасывает мне под дверь фотографии. Я рада, что мне не потребовалось слушать голос бывшего мужа. Чувствую возбуждение от предстоящей встречи с Ником Уайтли и до сих пор не могу поверить, что приняла бессознательное решение не спустить все на тормозах. Я собираюсь покопаться в прошлом, а не жить дальше, будто ничего не случилось. Надеюсь, моя лопата не ударит о слишком большое количество скелетов.

Глава 10

Джек: 18 октября 1987 года

– *Послушайте, директор уже третий раз за месяц звонил нам домой из-за того, что я пропускаю уроки. У меня там нет Люси, которая может притвориться моей мамой.*

– *Боже, Билли, не парься. Что с тобой могут сделать? Скажи им, что Адам никак не желает оставлять тебя в покое, а если ты не пропустишь школу, он тебя отделает по полной.*

– *Эй! Почему я? – запротестовал Адам.*

Джек ухмыльнулся.

– *Потому что его мама меня очень любит и не поверит, что я способен на подобное, а Майк... – Он понизил голос. – Майк – слюнтяй, не сможет ничего такого.*

Адам улыбнулся ему в ответ, принимая как факт, что он сам не обладает таким шармом, как Джек, но все равно способен напугать сильнее, чем Майк.

– *Только проследи, чтобы твоя мать не звонила в школу, – добавил Адам. – Мой отец мне задницу надерет, если меня опять обвинят в травле.*

– *Хорошо, – вздохнул Билли. – Так что мы делаем?*

Джек скатился с кровати и вытащил из-под нее большой лист бумаги.

— Это план магазина. Вот здесь у них пиво. — Джек обвел в кружок стойку слева от кассы. — Днем работает Уолтерс. Он слишком старый, чтобы работать по ночам. Он всегда стоит рядом с кассой, не очень хорошо видит, но будет достаточно близко, чтобы вас схватить, если не сработаете быстро. Заходим по двое. Вначале мы с тобой, Адам. Почитаем журналы, поболтаемся рядом с полками, где выставлены всякие сладости в прозрачных контейнерах. В общем, будем выводить из себя Уолтерса, чтобы он не обратил внимания на вас двоих, когда вы зайдете и будете брать выпивку. Берите водку, столько, сколько сможете унести.

— Напомни мне еще раз, почему я должен воровать выпивку? — уточнил Билли. — Я никогда в жизни ничего не воровал.

— Да, это по тебе видно, — улыбнулся Майк, глядя на слишком длинные, немного сальные волосы Билли и купленные три года назад ботинки. — Мы с тобой, приятель, выглядим более невинными. Он даже не обратит на нас внимания, когда эти двое будут болтаться по магазину. Обычно это работа Райли, но он сегодня не пришел. Не беспокойся: я постоянно этим занимаюсь. Ты будешь просто держать сумку.

Джек сложил план магазина и засунул его назад под кровать, потом раскрыл дверцы двустворчатого шкафа, достал большую черную куртку и бросил ее Билли.

— Надень ее. Там очень большие внутренние карманы, поэтому, если получится, сунешь туда несколько бутылок.

Мы подождем пять минут после вашего ухода, потом тоже уйдем. Идите домой, переодевайтесь. Снова встречаемся здесь в восемь. – Он посмотрел на Майку и Адама. – Идите вперед, мы догоним.

Как только они с Билли остались вдвоем, Джек повернулся к парню, рассматривавшему свои ногти.

– Сделай все так, как нужно, и можешь вернуться сюда и выбрать себе что угодно из одежды, чтобы идти на вечеринку у моей кузины.

– Зачем мне... – открыл рот Билли, но Джек оборвал его, покачав головой.

– Послушай, не нужно притворяться, когда ты с нами, мы твои друзья, понимаешь? Я знаю, у твоей семьи нет денег, и мне на это плевать. Сделай то, о чем тебя просят, и можешь пойти на вечеринку. Выглядеть будешь, как мы все, и никто из гостей не догадается, что ты из другого круга. Там будут девочки, Билли, много девочек. У тебя уже что-то было с девочкой?

Ответом ему послужило выражение лица Билли.

– Значит, сегодня вечером все и случится. От тебя только требуется раздобыть выпивку. Готов? – Джек улыбнулся, когда парень кивнул. – Вот и отлично, приятель. Поднимайся, пора двигать.

Все получилось даже лучше, чем они ожидали. На большее и надеяться не следовало. Их новый приятель не уронил ни одну бутылку, не побегал признаваться владельцу, хотя чуть не обделался, когда вошел в магазин вместе с Майком и увидел, что за кассой стоит не Уолтерс, а какая-то девушка с отличным зрением. Хотя это оказалось на руку. У Джекса в десять раз лучше получалось общение с женщинами, чем с пожилыми мужчинами. Он выглядел гораздо старше своих пятнадцати лет, а когда эта Тина смотрела в его ясные голубые глаза на красивом лице, обрамленном мягкими, свободно спадающими каштановыми волосами, было маловероятно, что она заметит происходящее в других частях магазина. Больше всех его удивил Майк. Когда Тина бросила взгляд в сторону Майка, тот просто уронил сумку и вышел из магазина. К счастью для Билли, в этот момент в магазин вошел Мэтт Райли. Он понял, чем заняты Джек и Адам, и увидел, что Билли стоит, как олень, попавший в свет фар. Он подошел к нему, засунул бутылки в его сумку и практически вытащил из магазина. Питерсон ждал их за углом. Три бутылки водки позвякивали в сумке у Билли. Питерсон поприветствовал их с таким видом, будто все провалилось.

– Черт, что с тобой случилось? – крикнул Джек. – Ты

бросил Шекспира, чтобы он один выносил всю выпивку. Мне чуть не пришлось ее трахнуть на прилавке, только чтобы она не пошла проверять, почему ты так быстро свалил. К счастью, появился Райли.

– Она посмотрела на меня, – запротестовал Майк. – Она меня узнала. Я подумал, будет лучше, если он останется один и сам все сделает. Что ты взял?

Билли уже собрался открыть сумку, чтобы продемонстрировать свой впечатляющий улов, но Джек опустил на нее руку и сильно толкнул Майка в плечо.

– Отвали. Ты бросил Билли. Если думаешь, что сегодня идешь с нами, то очень сильно ошибаешься. Вали домой.

– О, прекрати. Я извиняюсь. Ведь все прошло нормально.

– Нет, все совсем не нормально. Вали.

– Да пошел ты! Можно подумать, ты сам когда-нибудь пачкаешь руки! – заорал Майк им в удаляющиеся спины. Джек только фыркнул.

– Наконец-то отделались. Этот долбаный мутант в любом случае не дал бы нам развернуться, обязательно вмешался бы. Встречаемся у меня в восемь. Харви?

Судя по виду, Адам не был уверен, стоит ли ему возвращаться без друга, но в конце концов кивнул. Джек стукнул кулаком по воздуху.

– Ты придешь? – спросил Билли у Мэтта Райли.

– Да, почему бы не развлечься?

– Спасибо, что помог мне там.

– Не парься, – улыбнулся Райли. – Увидимся.

Джек обнял Билли за плечи, сжал их, затем схватил его за руку и заставил ускорить шаг.

– Пошли, приятель, нам еще нужно поработать над твоим внешним видом.

Глава 11

Ник Уайлти – симпатичный мужчина. Теперь, когда мои глаза не застилает ярость, я это вижу. Ему идет менее взволнованный вид, а когда он встает, чтобы меня поприветствовать, я вижу, что он еще и хорошо сложен, под накрахмаленной белой рубашкой просматриваются мускулы. Не знаю, заметил ли он, как я его рассматриваю, но в его поразительных голубых глазах загораются искорки, когда он улыбается и пожимает мне руку. Ему весело.

– Миссис Вебстер. – Он поворачивается к Кэсси. – И Кэсси Рейнольдс, если не ошибаюсь?

Кэсси хмурится.

– Простите, мне казалось, мы встречаемся с журналистом, а не детективом.

Мой локоть рефлекторно бьет ее в бок.

Мы усаживаемся за стол. Мистер Уайтли (может, мне следует называть его Ник?) уже заказал бутылку «Каберне Совиньон» и кувшин воды со льдом. Этот журналист из второсортного местного бульварного издания знает, как проводить встречи. Мне требуется минута, чтобы вернуться в настоящее. Понимаю, что он уже что-то сказал, а я все это время смотрела на его руки и пыталась вспомнить, когда подобные руки меня обнимали.

– Простите, что?

Он кивает на вино.

– Я сказал: не стесняйтесь, наливайте, сколько хотите.

Наливаю себе стакан воды, Кэсси выбирает вино.

– Итак, мистер Уайтли, – начинаю я.

– Пожалуйста, зовите меня Ник.

– Хорошо, Ник. Вы, вероятно, гадаете, почему я снова связалась с вами после того, как вчера так бесцеремонно вас выгнала.

Ник отрывает голубые глаза от бокала с вином и встречается взглядом со мной. Потом его взгляд быстро пробегает по мне и снова возвращается к моим глазам.

– Я задаюсь вопросом, Сюзан... Могу я вас так называть? – Я киваю в ответ, и он продолжает: – Что вам от меня так нужно, если вы внезапно захотели поговорить с представителем прессы?

– Вы поэтому здесь? Вам любопытно? Вы уже знаете мои новые имя и фамилию, адрес, вероятно, у вас имеется несколько фотографий. Что вы получите от этой встречи?

– Признаю: мне стало любопытно. Я журналист, пристрелите меня. – У него на лице быстро мелькает улыбка, и он поворачивается к Кэсси. – Не вы.

Кэсси саркастически кривит губы. Я не уверена, что Ник Уайтли шутит.

– В таком случае будет лучше, если я сразу перейду к делу.

Я достаю газетную статью из своей коричневой кожаной сумки и протягиваю ему. Он просматривает ее и возвращает

мне назад.

– Я это уже читал, – сообщает он, и по его голосу слышно, что ему весело. – И полагаю, вы смогли узнать, что это написал я.

– Вот именно. – Я напряжена, но козырь пока не показываю. Не надо заранее раскрывать карты! – Вы не могли бы рассказать про исчезновение доктора Райли? Я долго искала информацию. Если верить «Гуглу», его так и не нашли.

Ник прямо смотрит мне в глаза.

– «Гугл» вам все правильно сообщил. Мэттью Райли так никогда и не нашли. Многие считают, что он связался не с теми людьми и был вынужден исчезнуть. Другие говорят, он совершил самоубийство из-за долгов, но полиция никаких долгов не обнаружила и вообще не нашла, чтобы что-то было нечисто. Вся информация, которую мы собрали, говорила о том, что у него красивая жена и две маленькие дочери. Никакой записки он не оставил.

– А вы сами что думаете?

Он качает головой и уже собирается ответить, но тут у нашего стола появляется официант и замирает с блокнотом и ручкой.

– Что желаете?

Я смотрю на остальных.

– Салат с курицей без заправки, – заказывает Кэсси.

Ник переводит взгляд на меня.

– М-м-м, я буду пенне аль полло ¹⁵, жареную хрустящую картошку и чесночные шарики. – «Что? Я проголодалась».

Ник улыбается.

– Звучит заманчиво. Я буду то же самое. Мне нравятся женщины, которые любят поесть. Так что вы хотели узнать про Мэттью Райли?

Его вкрадчивый голос заставляет меня вернуться к сути дела.

– Что случилось по вашему мнению? Зачем исчезать человеку с хорошей работой и любящей семьей?

– Люди постоянно совершают нетипичные для них поступки, – отвечает Ник, делая глоток вина. Он меня имеет в виду?

– Наверное, – осторожно произношу я.

– Теперь я задам вопрос. А почему *вы* хотите об этом узнать?

Кэсси кивает на мою сумку. Я понимаю, что пришло время показать ему то, что там лежит.

Запускаю руку в сумку, достаю фотографию и молча передаю Нику. Он берет ее.

– Я получила эту фотографию два дня назад. Ее подбросили в почтовый ящик на моей входной двери. На конверте не было марки и штемпеля. А потом появились вы.

Ник внимательно изучает фотографию, явно гадая, к ка-

¹⁵ Пенне аль полло – макароны в виде трубочек с косо срезанным краем, с куриной грудкой, грибами и чесноком.

кому выводу он должен прийти при виде маленького мальчика с красивой улыбкой. Когда он переворачивает фотографию и читает написанное на обороте, я вижу, как меняется выражение его лица – легкая озадаченность превращается в удивление.

– Теперь вы понимаете?

Я наклоняюсь вперед на стуле, не в силах скрыть свое возбуждение. Не могу объяснить, почему для меня так важно, чтобы этот мужчина поверил моему рассказу. До этой минуты я не осознавала, как сильно мне надо, чтобы *кто-то* озвучил то, что я думаю втайне от всех. Я считаю, что мой сын может быть все еще жив.

– Думаю, да, – медленно произносит Ник, опуская фотографию на стол.

Он смотрит на нее так, словно та может начать с ним говорить, если и дальше неотрывно смотреть на нее. Я не представляю, какие мысли проносятся у него в голове: глаза у него красивые, но прочитать что-то по ним невозможно. Может, юридическая практика подошла бы ему лучше, чем журналистика. Или игра в покер.

– Во-первых, я хочу, чтобы вы знали: я не имею никакого отношения к этой фотографии, хотя понимаю, как это может выглядеть. Во-вторых, мне сложно понять, почему после получения этой фотографии (это может быть абсолютно *любой* маленький мальчик) вы пришли к выводу, что ваш сын жив, а доктор Райли подделал его свидетельство о смерти, чтобы

вас обвинили в убийстве ребенка. И потом он совершил самоубийство? Или, может, его за вас убила мафия? И четыре года спустя он восстал из мертвых, чтобы собственноручно доставить вам фотографию вашего маленького мальчика?

Согласна: если представить все таким образом, то выводы на самом деле кажутся несколько натянутыми. Но я ни за что на свете не признаюсь в этом самодовольному ублюдку.

– Я не говорила ничего подобного, – с вызовом отвечаю я. – И мне совершенно не понравилась ваша издевка насчет восставшего из мертвых, которую вы добавили в конце. Меня беспокоит, что кто-то мог узнать, кто я. Это может быть человек, решивший поквитаться со мной. Зачем иначе прилагать такие усилия?

Кэсси сидит, опустив плечи, и устало трет лицо. Очевидно, она ожидала, что все сложится гораздо лучше. Ник Уайтли дал ясно понять, что считает нас обеих идиотками. Я не вижу смысла задерживаться дольше, но тут приносят еду, и мы вдвоем сидим молча, пока официант суетится вокруг, раскладывая салфетки нам на колени и доливая напитки в бокалы. Как только он уходит, я снова начинаю говорить.

– В тот же самый день кто-то подбросил еще и *это* мне в сумку. – Я вручаю ему газетную фотографию. – Возникает еще больше вопросов и еще больше маловероятных ответов. – Ник берет вторую фотографию, но неотрывно смотрит на меня. – Я не отрицаю, что рассматривала возможность, что мой сын все еще жив, пусть это и кажется безумием.

Но ответьте мне вот на какой вопрос, мистер Уайтли. Представьте, вы провели последние одну тысячу и семь дней жизни, желая умереть из-за того, что, как вам все говорили, вы сделали со своим маленьким сыном, а потом вдруг выясняете, что есть шанс (пусть и минимальный), что вы этого не делали. Ваш маленький мальчик все еще жив и счастлив. Разве вы не ухватились бы за него обеими руками? Кто-то вложил мне в голову эту мысль. Пусть она появилась на секунду, пусть этот человек был жесток и хотел меня напугать, я не знаю, чем он руководствовался! Но я хочу выяснить, кто это сделал и почему.

Его вилка замирает на полпути ко рту, и я понимаю, что смотрит он на меня совершенно иначе. Любопытства больше нет, исчезла улыбка играющего с мышкой кота, как и дерзкий, самоуверенный блеск в глазах. Человек, который смотрит на меня, выглядит так, словно точно знает, каково это – отчаянно хотеть чего-то, но знать, что не получишь этого никогда. Теперь я вижу понимание в его глазах. Когда он, наконец, открывает рот, я почти поддаюсь своему желанию перегнуться через стол и поцеловать его.

– Как я могу вам помочь?

* * *

Мы сидим в «Дольче Вите» до самого закрытия. Когда официанты, наконец, прекращают притворяться, будто все-

гда рады посетителям и готовы их обслуживать, а вместо этого начинают ставить стулья на столы вокруг нас, мы решаем: на сегодня хватит.

Перед уходом мы с Кэсси исчезаем в туалете, чтобы обсудить, как прошел вечер. Мы давно ждали этой минуты. Кэсси не выглядит особо удовлетворенной.

– Хорошо, что ты ему понравилась, – заявляет она. Кажется, что хмурится даже ее голос. – В противном случае мы обе снова оказались бы в «Окдейле».

Я прилагаю усилия, чтобы не рассмеяться.

– Ничего я ему не понравилась.

– Заткнись, а? Он глаз от тебя отвести не мог. Он едва ли слово мне сказал после хитроумного замечания, что я могу его пристрелить. Кстати, ему для справки: это была гребаная рама для картины.

Я содрогаюсь.

– Лучше бы ты об этом не вспоминала.

Мы возвращаемся к столу и видим, что Ник только что закончил разговор по мобильному.

– Говорил с начальником. У меня осталось два дня от отпуска. Я решил их использовать.

– С какой целью? – спрашивает Кэсси, в которой тут же просыпается подозрительность. Я знаю, что она думает: одно дело – провести вечер в итальянском ресторане и вкусно поесть, при этом слушая параноидальный бред чокнутой женщины и потворствуя ей. И совсем другое – использовать

с трудом заработанные дни вместо отдыха для погони за вообразимыми преступниками.

– Всегда рад помочь. – Ник смеется над ее грубостью, а я чувствую себя ужасно. Бросаю на Кэсси предупредительный взгляд. Если этот шикарный, умный мужик со своими контактами и ресурсами хочет нам помочь, почему она его отталкивает?

– Нет, на самом деле, почему вы это делаете? – не отступает она. – Сюзан, прекрати на меня так смотреть. Я ему не доверяю. Предполагалось, что *ни одна из нас* не станет ему доверять. Что вы будете с этого иметь, мистер Уайтли?

Ник не отвечает сразу на вопрос Кэсси. Он целую минуту не произносит ни слова и неотрывно смотрит на меня. Мне становится неуютно под этим напряженным взглядом. Наконец он снова опускается на стул.

– Мне редко попадаются дела, которые так возбуждают мой интерес, – говорит он, так и не отпуская мой взгляд. – Я рассказываю в своих статьях о делах, в которых все ясно и факты четко подаются. Я репортер и не веду журналистских расследований. Мне на стол попадают пресс-релизы, судебные материалы, заявления представителей полиции. Я все это соединяю в нечто удобоваримое – в то, что люди хотят читать. Мне скучно.

Он протягивает руку – «берите или отказывайтесь». Яжимаю его руку, мне плевать, что об этом скажет Кэсси.

– В таком случае спасибо. – Я встаю, и Ник делает то же

самое. – С чего вы хотите начать?

– Вернусь домой, соберу кое-какие материалы, а завтра приеду к вам. Устраивает?

* * *

– У него, наверное, очень доверчивая жена, – объявляет Кэсси ровным, ничего не выражающим тоном, когда мы трогаемся в двухчасовой путь домой. – Или, может, он голубой.

– Он не голубой. И он не женат. Кольца нет.

– Это ничего не значит, – качает головой Кэсси. – Такие мутные типы никогда не носят обручальные кольца. Джим всегда говорил, что кольцо ему сильно жмет. Ага, жало оно ему, черт возьми.

– Может, не все мужчины такие, как твой Джим, – рявкаю я, и она больше ничего не говорит про Ника.

Путь домой отнимает меньше времени, чем ожидалось. На дорогах пусто, и я не всегда соблюдаю ограничения скорости. Я высаживаю Кэсси у ее дома, целую ее в обе щеки, благодарю за помощь и обещаю позвонить утром, когда узнаю время приезда Ника.

В машине слишком тихо без ее постоянной болтовни. Я включаю радио, увеличиваю звук, пока не понимаю, что уши громче не выдержат. Пытаюсь заглушить мысли, жужжащие в голове. Могу ли я доверять Нику Уайтли? Я знаю, Кэсси не доверяет ему просто потому, что он симпатичный (боль-

ше мужчин она ненавидит только симпатичных мужчин), но, возможно, тут она права.

Только завернув на подъездную дорожку к дому, я понимаю – что-то не так. У меня уходит несколько секунд на то, чтобы понять, что именно. Когда мозг осознает обработанное глазами, сердце в груди превращается в кусок свинца. Входная дверь приоткрыта. Как бы я ни торопилась, все равно не забыла б ее закрыть. Свое личное пространство и вещи нужно защищать – этот урок очень быстро вдалбливается в голову в «Окдейле». Но больше, чем раскрытая дверь, меня беспокоит другое – ярко-красная жидкость медленно капает с ручки на ступеньку. Крыльцо залито кровью.

Глава 12

Интуиция подсказывает, что не нужно заходить в дом. Она просто кричит! Так почему я выхожу из машины и направляюсь к входной двери?

Когда я подхожу поближе к пропитанному кровью крыльцу, сердце так сильно стучит в груди, что кажется, будто оно сейчас пробьет в ней дыру размером с кулак. Но я вздыхаю с облегчением. Кровь, которая выглядела так ужасающе, капая с ручки и собираясь в лужу на цементной плите, слишком густая и слишком яркая. Краска. «Кто-то сюда приходил, – предупреждаю я себя. – И кто-то все еще может находиться внутри».

Я знаю, что мне нужно вернуться в машину, уехать отсюда и позвонить в полицию, но вместо этого я натягиваю джемпер на руку и толкаю дверь.

– Привет! – нервно кричу я.

«Фактором внезапности ты не воспользовалась, Шерлок». Ответа на мой крик не последовало. Меня подбадривает то, что мне пока еще никто не дал по голове. Я делаю шаг внутрь.

Коридор разгромлен. Ни одно другое слово не подходит для описания сцены, которую я вижу. Столик для почты сломан, ящик, вырванный из него, тоже сломан, все содержимое разбросано по полу и залито красной краской. Ею изма-

заны стены, и капли ведут в кухню. Каким-то извращенным образом сцена напоминает мне демонстрацию против женщин, носящих натуральный мех. Я знаю, мне не следует идти дальше. Ничего хорошего из этого не выйдет. Но я все равно пробираюсь вперед и толкаю дверь в кухню.

Кухня в еще более жутком состоянии, чем коридор – если такое вообще возможно. Столовые приборы разбросаны по всему помещению, соковыжималка разбита и валяется на кухонном столе, тостер разлетелся на куски. Стены и пол вымазаны краской, как и все поверхности. Мой дом напоминает сцену из «Техасской резни бензопилой».

Внезапно я слышу глухой стук – звук идет сверху. Я вскрикиваю. Ошибиться невозможно – это шаги; кто-то бежит по второму этажу, лестничной площадке. Я не успеваю никак отреагировать, а шаги уже на лестнице. Тот, кто находится в моем доме, бежит по ступеням вниз. Я осматриваю разгромленную кухню в поисках хоть чего-нибудь, чем можно защититься. Подставка для ножей пуста. Где мой дизайнерский набор ножей? Все шесть угрожающе торчат из стены. Их так глубоко вогнали в гипсокартон, что я не могу вытащить ни один из них. И тогда у меня начинается паника.

Я никак не могу справиться с ключами, когда в отчаянии пытаюсь открыть дверь черного входа. Потом слышу, как громко хлопает входная дверь. Я тяжело дышу, мне становится очень жарко. Я выпадаю в сад на заднем дворе и достаю телефон из кармана. Прокручиваю список контактов

дрожащей рукой, потом нажимаю на кнопку вызова. Телефон Кэсси звонит и звонит, но она не отвечает. Прокручиваю список дальше и чувствую невероятное облегчение, когда на мой вызов отвечают, и я слышу низкий мужской голос на другом конце.

– Ник? Это я, Сьюзан.

* * *

– Что вы сделали после того, как вышли через черный выход, мисс Картрайт?

Я стараюсь медленно выдохнуть, чтобы полицейский не заметил мое нетерпение. Я уже почти три часа сижу в отделе полиции Ладлоу и в четвертый раз повторяю одно и то же. Они уже знают, кто я – служба надзора за условно-досрочно освобожденными обязана ставить их в известность на случай возникновения как раз таких ситуаций. Когда они приехали к моему дому, они вели себя так, словно ожидали чего-то подобного.

– Я позвонила Нику, то есть мистеру Уайтли, – повторяю я, догадываясь о следующем вопросе, но не зная, как на него ответить.

– А почему после того, как вы увидели разгром в своем доме и догадывались, что преступник, возможно, еще находит-

ся внутри, вы вместо того, чтобы позвонить в службу 999 ¹⁶, позвонили журналисту, с которым только познакомились? Журналисту, который живет почти в *трех часах* езды?

– Преступника в доме уже не было, – отвечаю я, занимая оборонительную позицию. Я понимаю, спрашивают меня не об этом, но мне не нравится, на что намекает полицейский. Если я на кого-то злюсь, то становлюсь бестолковой и саркастичной. Это еще одна из моих особенностей. – Вначале я попробовала позвонить своей лучшей подруге. Она не ответила на вызов.

– Но вы не знали, где находится преступник? – давит на меня полицейский. – Тем не менее вы побеседовали с мистером Уайтли и только потом обратились за помощью?

Он прав, но, черт, я не стану ему показывать это. Не их собачье дело, почему я вначале позвонила Нику, а потом в полицию. Я звонила не для того, чтобы передать ему материалы для статьи, на что намекает полицейский. На это намекали еще трое его коллег, которые разговаривали со мной после того, как увели меня из сада на заднем дворе. Тогда меня трясло, и я была в жутком состоянии.

– Я не стала бы называть наш разговор беседой, – заявляю я, увязая еще глубже. – Не понимаю, какое это имеет отношение к делу. Я позвонила человеку, с которым провела сегодняшний вечер, первому человеку, который пришел мне на ум. Он сказал, чтобы я звонила в полицию, а сам придет,

¹⁶ 999 – номер телефона для связи с экстренными службами в Великобритании.

как только сможет. Тогда я и позвонила 999. Максимум через две минуты.

Мне не хочется объяснять ему, почему я не хотела звонить в полицию, рассказывать о панике, которую вызывают воспоминания при одном виде людей в форме. Я помню, как меня вели в наручниках, – и эти образы никуда не делись за четыре года. Я поняла, что полиция не всегда на стороне хороших людей, а вы не всегда знаете, считают ли вас положительным героем.

– Две минуты могут сыграть очень большую роль в поимке потенциального преступника. Это очень серьезная задержка. – Он прищуривается. – Но я уверен, *вам-то* не нужно об этом рассказывать.

Смысл его слов бьет меня, как пощечина.

– Я не понимаю, к чему вы клоните... – начинаю я, но он меня перебивает.

– Обычно в таких делах мы пытаемся максимально сузить круг людей, которые хотели бы причинить зло предполагаемой *жертве*...

Я ошарашена и не могу ничего ответить, чтобы защитить себя.

– ...но в данном случае, как я думаю, нам будет легче найти людей, которые *не* хотели бы причинить зло детоубийце, отсидевшей за это срок. – Он наклоняется ближе ко мне и неотрывно смотрит на меня. – Мы живем в маленьком городке, *мисс Картрайт*. Нам не нравится, когда у нас появ-

ляются преступники.

До того как я успеваю что-то сказать в свою защиту, дверь в комнату для допросов открывается, и я чувствую облегчение, сменяющееся на злость. Еще один полицейский, по возрасту – моложе, чем мои носки, пересекает помещение, ни разу не взглянув в мою сторону. Он наклоняется и что-то тихо шепчет моему дознавателю. Тот кивает и поднимает на меня глаза.

– Похоже, прибыл ваш рыцарь на белом коне.

Это как укол – он на самом деле *приехал*? Я нервничаю. Что мне ему сказать? Успокоившись, я чувствую себя несколько глупо. Мне предстоит встреча с человеком, с которым я только познакомилась, но вызвала спасать от преступника, и ему пришлось для этого проехать сто тридцать миль. Говорю себе, что нужно побыстрее со всем этим покончить, и выхожу вслед за полицейским в зону приема посетителей.

Ник стоит в холле, опустив голову и засунув руки в карманы светло-серых спортивных штанов. Не знаю почему, но я ожидала его увидеть в деловом костюме и накрахмаленной белой рубашке. Время близится к половине четвертого утра, и я, очевидно, вытащила его из постели. На мгновение у меня в сознании появляется образ Ника Уайтли, вылезающего из постели. Я трясую головой, чтобы избавиться от наваждения перед тем, как встретиться с ним лицом к лицу. Пересекаю холл и удивляюсь, когда он спешит ко мне навстречу и обнимает.

На объятия я не рассчитывала, но это именно то, что мне нужно. Плевать на полицейских, которые удивленно наблюдают за нами, и на то, что я практически не знакома с этим мужчиной. После того как кто-то вломился в мой дом, а затем последовал разговор с жутким полицейским, мне нужно было нормальное человеческое общение, немного сочувствия. У меня начинают литься слезы, Ник крепче обнимает меня, а я зарываюсь лицом ему под мышку, утыкаюсь в синий джемпер с капюшоном, и мое тело сотрясают рыдания. Когда поток слез уменьшается, он нежно отодвигает меня и смотрит прямо в лицо.

– Сюзан, с тобой все в порядке?

Я тут же чувствую себя душой. Конечно, со мной все в порядке, черт побери, на меня же никто не напал.

– Все нормально, – бормочу я, вытирая глаза рукавом своего джемпера. – Прости.

Ник по-доброму улыбается мне, затем смотрит на полицейских за стойкой, которые даже не пытаются скрыть, что их страшно интересует разворачивающаяся перед их глазами сцена.

– Мы можем идти? – кратко спрашивает Ник.

Полицейский, который всего несколько минут назад ужасно со мной разговаривал, кивает с таким видом, будто ничего не произошло.

– У нас есть все, что нужно, сэр. Полицейские закрыли ваш дом, мисс Картрайт. Но боюсь, сегодня вы не сможете

там ночевать. Вам есть где остановиться?

– Я попробую еще раз позвонить Кэсси, – отвечаю я. – Поживу у нее.

– Нет, сегодня ты к ней не поедешь, – объявляет Ник, берет меня под локоть и ведет на автомобильную стоянку. – Я уже забронировал нам номера в гостинице тут неподалеку. – Он открывает переднюю дверцу своей машины и буквально засовывает меня внутрь. – Давай мы сейчас заедем за твоими вещами и поедем спать. Оглянуться не успеешь, а мы уже в постели. – Он морщится при виде моего изменившегося выражения лица. – Не вместе, – поспешно добавляет Ник. – Я имел в виду разные кровати в разных номерах. Я не хочу... Ну, не то, что я не *хочу*, а... – Он вздыхает, признавая свое поражение. – Послушай, сейчас уже поздно, и я утратил способность нормально говорить, так что давай поедем в «Трэвелодж»¹⁷ и немного поспим.

«Трэвелодж» закрыт, но Нику хватило ума заранее договориться, чтобы нас впустил ночной портье и выдал ключи от номеров. Я испытываю огромное облегчение, еще раз благодарю Ника за помощь, а после того, как мне удастся его убедить, что я не на грани нервного срыва, устраиваюсь в уютной постели и натягиваю одеяло, укрываясь с головой, как делала в детстве. После событий двух последних дней, которые прокручиваются у меня в голове, я думаю, что вообще не смогу заснуть, но стоит мне положить голову на по-

¹⁷ «Трэвелодж» – сеть бюджетных отелей по всей Великобритании.

душку, как глаза автоматически закрываются и я мгновенно проваливаюсь в сон.

Глава 13

В комнате холодно.

В какой комнате? Где я? В комнате холодно, или одеревенело мое тело? Я не открываю глаз, не могу их открыть. Сейчас мне предстоит воспринимать мир с помощью остальных четырех органов чувств.

Обоняния. Я чувствую свежий цитрусовый запах средства для чистки ковров, которое регулярно использую, чтобы избавиться от приторного запаха – ребенок часто срыгивает на ковер. Есть и другой запах: мужской, но этот мужчина не мой муж. Запах дорогого одеколона, но пахнет плохо. Такой одеколон один из моих бывших парней воровал у своего отца, когда я была значительно моложе.

Осязания. Кажется, мое тело расплавилось и растеклось по ковру – судя по запаху, моему ковру. Но когда я пытаюсь пошевелить руками, оказавшимися подо мной, они не работают. Создается впечатление, будто я забыла, как заставить их выполнять простые движения, сжимать и разжимать пальцы. Что со мной сделал этот мужчина? Кто он такой и почему находится в моем доме?

Сосредоточься, Сюзан. Что еще? Вкус. В задней части горла я чувствую что-то кислое, эта кислота почти обжигает, но боли нет. Во рту пересохло, словно я долго спала. Пытаюсь сглотнуть, собрать хоть немного слюны, но ее

нет. Так бывает, если я слишком много выпила вечером. Или проглотила заплесневевший носок.

Я пила вчера вечером? Не могу ухватиться за свои последние воспоминания. Что я помню? Каким образом я оказалась спящей на полу у себя в гостиной, а не в кровати, со странным привкусом во рту и запахом чужого мужчины? Пытаюсь сосредоточиться на звуках, но в комнате стоит тишина. Этот орган чувств тоже меня предал. Я ослепла и оглохла? Нет, тишина не абсолютная, просто слышать нечего, а мои глаза определенно закрыты. Я не ослепла.

– Она мертва. Проклятье, она на самом деле умерла.

Могла пройти минута или час. У меня такие ощущения, будто я то погружаюсь в сон, то просыпаюсь, так бывает во время долгого путешествия на машине, когда не понимаю, как мы так быстро добрались из пункта А в пункт Б, хотя вроде я все время бодрствовала. Просто прикрывала глаза, чтобы дать им отдохнуть.

*** * ***

Когда я просыпаюсь в «Трэвелодже» на следующее утро, голова у меня болит так, словно я провела десять раундов против Амир Хана ¹⁸, и еще болит каждый дюйм моего тела. Мне следовало бы уже привыкнуть к недостатку сна. После

¹⁸ Амир Хан (1986) – британский боксер-профессионал.

появления Дилана я то и дело вставала по ночам и ходила по дому в пижаме, укачивая его и пытаюсь успокоить, то и дело напевая «Ш-ш-ш» и молясь хотя бы об одной спокойной ночи. Потом, в больнице и «Окдейле», я спала глубоко и не видела снов – мне давали столько лекарств, что я едва осознавала, когда кончается ночь и начинается день, но я никогда не просыпалась отдохнувшей. Не помню, когда вообще в последний раз чувствовала себя отдохнувшей.

Я перекатываюсь на бок на огромной двуспальной кровати и проверяю время на телефоне: двадцать минут десятого. У меня три сообщения и четыре пропущенных вызова, которыми я решаю заняться позднее. Отправляюсь в просторную душевую, и мои ноющие мышцы приветствуют горячую струю воды, как старого друга. Я стою в душе дольше обычного, скрываясь от всего, что ждет меня за этими безопасными, надежными стенами. Я знаю, что просто тяну время, оттягиваю тот момент, когда мне придется спуститься вниз и встретиться с практически незнакомым человеком, которого я в полночь вытащила из кровати. Он ехал на машине три часа, чтобы проводить меня в гостиницу неподалеку от отделения полиции, и спал в этой гостинице в двадцати восьми номерах от меня. Я чувствую себя надоедливой и докучливой, вероятно, поэтому и провожу полчаса в душе и накладывая макияж. Положительным во всем этом является мой внешний вид – когда я наконец спускаюсь вниз, чтобы найти Ника, то выгляжу неплохо, только на мне вчерашняя одежда.

Нажав кнопку вызова лифта, я наконец набираюсь смелости проверить сообщения и пропущенные вызовы. Все сообщения от Кэсси, которая хочет знать, почему я ей звонила прошлой ночью. Два из четырех пропущенных вызовов тоже от нее. Еще два с неизвестного номера. Ник? Нахожу его номер среди «Контактов» и нажимаю «Вызов».

– Доброе утро, – приветствует он меня хрипловатым голосом, так обычно звучит невыспавшийся человек. Я тут же снова чувствую себя виноватой, хотя его голос звучит немного эротично. – Как ты себя чувствуешь?

– Дерьмово, – признаю я. – И умираю от голода. Ты мне звонил? Где ты? Когда ты бронировал этот отель, знал, что здесь нет ресторана?

– Прими мои извинения, – смеется Ник. – Далеко не во всех отелях горят желанием снимать трубку ночью и уж тем более принимать заказы на завтрак. Я в пабе рядом с отелем. Наслаждаюсь едой. Придешь?

– Уговорил! Буду через пять минут. Закажи мне полный английский завтрак.

В пабе все просто и непритязательно, обстановка домашняя, именно такое заведение и ожидаешь увидеть в сельской местности в Шропшире. Ник сидит далеко от барной стойки. Предположительно, для того, чтобы нас никто не подслушал. Рядом с ним огромный дровяной камин. Судя по виду, он может обогреть весь Ладлоу, если развести в нем огонь. Я усаживаюсь рядом с Ником и легко улыбаюсь ему, благода-

рю за чашку чая и набрасываюсь на еду, когда ее приносят. Ник прав: потрясающе вкусно. Отдаю ему должное: он ждет, пока я жадно заталкиваю бобы, бекон, сосиски и яйца в рот.

– Перед тем как ты начнешь, хочу сказать: я на самом деле чувствую себя очень виноватой за то, что позвонила тебе прошлой ночью, – начинаю я, когда вижу, как у него открывается рот. – Я не знаю, почему просто не позвонила в полицию. На самом деле очень здорово, что ты приехал, преодолев весь этот путь, хотя мы только недавно познакомились. Я себя чувствую, будто...

– Ради всего святого, женщина, прекрати извиняться! – перебивает Ник. – Я уже наслушался достаточно извинений прошлой ночью. Я приехал, потому что хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Знаешь ли, я не могу бросить человека в беде, даже если мы мало знакомы.

– Спасибо. – Я вожу кусочком тоста по тарелке, собирая бобовый соус. «Конечно, он приехал бы, – резко говорю сама себе. – Почему ты считаешь себя какой-то особенной?»

– Я думаю, случившееся прошлой ночью подтверждает твои подозрения: фотография – это угроза, – заявляет Ник, хватая остаток тоста с моей тарелки и быстро его съедает.

Я поднимаю голову, и его пронзительные глаза встречаются с моими. Он наблюдает за мной.

- Почему? – спрашиваю я, хотя уже знаю ответ, и киваю.
- Тот, кто орудовал у тебя в доме, пытался тебя напугать.
- Может, это разные люди. Может, кто-то еще знает, как

меня изводили. С другой стороны, как кто-то мог узнать про фотографию? Ты – единственный, с кем мы разговаривали, и я предполагаю, ты никому не пересказывал услышанное. – Ник приподнимает брови, и его выражение лица четко показывает: нет. – Я точно никому не рассказывала.

– А ты уверена насчет...

Он не заканчивает предложение – я уверенно качаю головой.

– Кэсси никому не рассказывала, – заявляю я тоном, который, как надеюсь, послужит предупреждением, чтобы он не спорил со мной. – Она умеет хранить секреты.

Судя по виду Ника, я его не убедила.

– Насколько ты можешь ей доверять? Вообще-то она убийца, Сюзан.

Я пытаюсь не показать свою ярость, но мое лицо краснеет, выдавая злость.

– Так и я тоже, или ты забыл?

Ник смущается.

– Прости. Я не хотел тебя обидеть.

– Кэсси поддерживала меня с того самого дня, как я оказалась в «Окдейле». Я доверяю ей, как самой себе. Я не оправдываю нашу дружбу и не собираюсь ничего объяснять тебе или кому-то еще. Ты должен принять как факт: она сделала то, что сделала, и очень вероятно, что и я тоже. Я все пойму, если ты больше не захочешь ввязываться в это дело.

Ник качает головой.

– Прости, я не должен был говорить этого. Я попытаюсь быть повежливее с Кэсси, хотя совершенно ясно, что она мне совсем не доверяет.

– Она привыкла к тому, что нас только двое. Ее отношение со временем изменится. Она просто пытается меня защитить.

– Хорошо, я буду с ней милым, – улыбается Ник. – Если мы предположим, что ни один из нас никому ничего не рассказывал, то тебя могли подслушать. Еще раз расскажи мне все, что ты делала после получения фотографии.

Я в точности повторяю все свои действия с той самой минуты, когда взяла в руки конверт, и до нашей встречи вчера. Ник внимательно слушает, пытаясь вычислить, когда кто-то мог обнаружить, что я начала во всем разбираться.

– В библиотеке ты с кем-нибудь разговаривала? – в конце концов спрашивает он.

– Нет. Ну, только о получении читательского билета на мою новую фамилию. Я разговаривала с библиотекаршей по имени Эвелин за стойкой, но ей я не сказала, зачем пришла.

Ник задумывается.

– В таком случае это тот же человек, который отправил тебе фотографию. В противном случае получается слишком много совпадений.

– И еще телефонный звонок.

Воспоминание возвращается, словно кто-то вручил мне стикер-напоминалку. Как я могла забыть? Но тогда это не

показалось важным. Может, сегодня стоит уже взглянуть на это по-другому?

– Какой звонок?

– Это было на прошлой неделе, в самом начале, в понедельник или во вторник. Зазвонил домашний телефон, и я сразу же подумала, что мне предлагают что-то купить. Больше на домашний номер мне никто не звонит. Я даже не знаю, почему ответила.

– И кто это был?

– Никто. Ну, почти никто. Я подумала, соединение не прошло – вообще не было никаких гудков, потом послышался какой-то шум. Звуки, которые обычно присутствуют в доме: шаги, телевизор. Потом ребенок, причем я не знаю, мальчик это был или девочка, закричал: «Няня» – и все. Я подумала, что ошиблись номером.

– Теперь ты так же думаешь?

– Я не знаю, что думать. А что думаешь *ты*?

– Хотелось бы мне сказать, что это совпадение, но сколько совпадений может произойти у одного человека за две недели? Газетная вырезка у тебя в сумке, фотография, разгромленный дом, теперь это? Не знаю.

Это меня пугает, и мне не стыдно в этом признаться. Когда я получила фотографию, мы с Кэсси быстро от нее отмахнулись, посчитав шуткой. Я только на минуту задумалась, не является ли она чем-то более зловещим. Кто-то на самом деле хочет причинить мне зло?

– Как ты считаешь: мой телефон прослушивается?

То, что мне это вообще пришло в голову, производит впечатление на Ника.

– Об этом следует подумать, не хочу нагнетать, но должен вот что сказать. Фотография относительно безобидна, хотя, конечно, получить ее было неприятно. Но разгром, устроенный в доме? Это переход на совсем другой уровень. Может, тот, кто это устроил, знал, что ты тогда встречалась со мной.

Я откидываюсь на спинку стула, согреваю руки чашкой чая; мне очень нужно повысить уровень сахара в крови.

– Полицейский, с которым я разговаривала, предположил, что местные не хотят видеть в своем городе детоубийцу. Вероятно, он прав.

Ник поджимает губы и смотрит сочувствующе.

– Боюсь, такое бывает. Некоторые люди злятся или точат зуб на кого-то просто потому, что им нечем заняться. Они тебя совершенно не знают, не встречались с тобой лично, только знают, что ты сделала.

У меня снова начинает болеть голова. Все происходящее кажется нереальным. Я не живу в мире, где происходит подобное. Это моя жизнь, а не развлечение от скуки для какой-нибудь отчаявшейся домохозяйки. Вздыхаю и подпираю голову руками, прикрыв усталые глаза. Ни один из нас не произносит ни слова целых пять минут. Я поднимаю голову, чтобы проверить, здесь ли еще Ник. Он листает блокнот, который уже лежал на столе, когда я пришла в паб.

– Что это?

Мне становится любопытно, и я больше не могу молчать. Ник протягивает мне блокнот. Я вижу грубо нарисованную таблицу. Над одной из колонок написано «Доказательства», над другой «Новая информация». В колонке «Доказательства» четыре пункта: фотография, газетная вырезка у меня в сумке, исчезновение доктора Райли и взлом моего дома.

– Вау, кто-то такой организованный, – отмечаю я, при этом не могу объяснить, почему меня это так раздражает. – Давай посмотрим правде в глаза. Более вероятно, что я сама отправила себе фотографию, потому что я сумасшедшая, как и утверждали врачи. – Я резко замолкаю при виде выражения его лица. Чувство вины. Конечно. Насколько глупой можно быть? – Ты об этом уже думал. – Утверждение, а не вопрос. Его лицо говорит само за себя. – Ты считаешь, я сделала это сама. Ты считаешь меня сумасшедшей.

– Такая мысль у меня появлялась, – признает он. – Примерно на две секунды. Я видел, что сотворили в твоём доме, Сьюзан, и знаю, что ты этого не делала.

– Как ты можешь быть в этом уверен? Ты меня не знаешь, ничего про меня.

Я подначиваю его, пусть отрицает, что я могла слететь с катушек.

– Я просто знаю.

Он ни на секунду не отводит взгляд и смотрит мне прямо в глаза.

Я слишком устала, чтобы спорить. Мое сознание требует всего одну маленькую таблеточку, чтобы снять ощущение беспомощности. Может, у меня осталось дома несколько штук. Я не могу попросить врача выписать еще – прошло совсем мало времени после освобождения. Я не могу признать, что не справляюсь.

Закончив завтрак, мы больше не можем откладывать возвращение в мой дом. Поэтому я радуюсь его предложению выпить кофе в саду рядом с пабом.

– Можно я тебе кое-что скажу?

Он старается не выглядеть слишком заинтересованным и горящим желанием услышать мое признание. В чем, по его мнению, я собираюсь признаться?

– Конечно, что угодно.

Уже открыв рот, понимаю, что я не могу не удовлетворить его любопытство.

– Вчера мне показалось, что я видела Дилана.

– Что? Где? Ты мне этого не говорила.

– Мне было стыдно. Я увидела мальчика на улице, и он был так похож на мальчика с фотографии, что я подумала... Конечно, он совсем не походил на Дилана, когда я подбежала поближе, но на расстоянии... Я же только увидела фотографию и...

– Эй, эй, успокойся. – Я смотрю в пол, а Ник наклоняет голову, чтобы заглянуть мне в глаза. – Ты испытала шок, а люди все время допускают такие ошибки. Мне самому каза-

лось, что я вижу... Обман зрения бывает у всех.

– Может быть, но не все носятся по улице за детьми, и не все их хватают. Я честно думала, что это Дилан. Если я так ошиблась, то не могу считать, что я... – Замолкаю, не договаривая фразу до конца.

Ник долго молчит, потом смотрит на меня с таким видом, словно ему страшно хочется о чем-то меня спросить.

– У тебя есть братья или сестры? – Это совсем не то, чего я ожидала.

Я улыбаюсь.

– Как так получилось, что ты обо мне знаешь все, а я о тебе ничего? Кроме сомнительного выбора профессии.

Он откидывается на спинку стула, ему весело.

– Что ты хочешь узнать?

– Ты женат? – Вопрос вылетает у меня изо рта слишком быстро, и я сильно краснею. Щеки просто пылают. – Прости, это слишком личный вопрос.

Он поднимает безымянный палец.

– Не женат.

– Хм, Кэсси говорит, отсутствие кольца ничего не значит.

Ник хмурится и снимает вилы с каменной стены. Они явно висят там давно, потому что заржавели и покрылись пылью. Судя по его виду, он пытается найти в них смысл жизни, но я не понимаю, что в них такого интересного. Наконец он снова начинает говорить.

– А какие у нее проблемы? Я имею в виду Кэсси. Черт, она

такая подозрительная. Похоже, она считает, что я собираюсь сбежать со всеми твоими сбережениями или что-то в этом роде.

Ты попал прямо в точку.

– Я тебе уже говорила не брать это в голову. Кэсси просто не доверяет людям. Она со всеми такая.

– Ого, как мне это льстит, – хмыкает Ник. – Я не удостоился особого отношения, да?

Я улыбаюсь, несмотря на отвратительное настроение.

– Она может не нравиться своей бесцеремонностью, цветом волос и тем, что постоянно ругается, но она моя лучшая подруга, у меня такой не было никогда. Попав в место типа «Окдейла», приходится принять, что твоей привычной жизни, твоих старых друзей, твоего старого дома больше нет. И начинаешь понимать, что реальность, в которой ты вынужденно оказался, совершенно необязательно должна походить на твою старую жизнь. – Я фыркаю. – Могу представить выражение лица Марка, если б я привела домой кого-то типа Кэсси из группы матери и ребенка.

Ник тупо смотрит на меня. Неужели ему нужно все раскладывать по полочкам? Пресса это достаточно помусолила – степфордская жена ¹⁹, у которой было все, убила своего маленького сына. Самое худшее заключалось в том, что они

¹⁹ Степфордская жена – нарицательное выражение, благодаря роману Айры Левина и снятому по нему фильму «Степфордские жены». Означает женщину, которая стремится стать идеальной домохозяйкой и образцовой супругой.

были правы – большая часть того, что о нас говорили, соответствовало истине.

– Марк очень богат, – поясняю я, и у меня снова краснеют щеки. – Мы ели в лучших ресторанах, я могла один раз надеть вещь и после этого выбросить ее. Да, я теперь понимаю, как это выглядит. – У него едва ли получается скрыть презрение, появившееся на лице, но я его за это не осуждаю. Я знаю, какой была. – Я не привыкла общаться с людьми типа Кэсси, к ее злобным тирадам и сорока ругательствам в день. Потом я оказалась в «Окдейле» и впервые в жизни – на нижней ступени социальной лестницы после того, как раньше с меня сдували пылинки. У меня не было подруг. Никто не хотел связываться с... со мной.

Я никогда не говорила ни с кем про отбытие срока в «Окдейле», но сейчас холодные голубые глаза Ника неотрывно смотрели на мое лицо, и, начав, я не могла остановиться.

– Кэсси не повезло оказаться со мной в одной камере. Она испробовала все, только чтобы заставить меня говорить. Кэсси давала мне журналы и косметику. Бог знает, почему ей так хотелось со мной подружиться, но она отказывалась сдаваться. Я не считала себя выше нее, не считала, что она недостойна со мной дружить – этот поезд давно ушел. Нет, наоборот, я не считала достойной себя, не считала, что ей или кому-то еще стоит со мной связываться. Я просто хотела, чтобы меня оставили в покое и дали спокойно умереть.

– Но тебе же стало лучше? Как?

– Кэсси не отставала. Когда журналы и косметика не работали, она начала контрабандой приносить мне еду. Я не объявляла голодовку, у меня просто не было ни сил, ни желания встать и поесть. Я едва вообще вставала, только в туалет. Кэсси каждый день приносила мне еду, но не из нашей столовой, а шоколадки и колбаски. Ей всегда удавалось каким-то образом добывать все самое лучшее. В большинстве случаев она как-то договаривалась с надзирателями, иногда ей помогали другие заключенные. Однажды я просто не смогла устоять перед запахом бутерброда с беконом и начала есть, пока она не смотрела. Я не осознавала, что делаю, пока его не съела. Кэсси мне только подмигнула. С тех пор, если дела идут плохо, мне нужно поесть.

– Я только что думал, откуда у тебя такой волчий аппетит, – смеется Ник.

Он смотрит на часы – пора отсюда уходить, а я понимаю, что разговор снова переключился на меня, и пока мы сидели здесь, он ответил всего на один вопрос. Или Ник избегает разговоров о себе, или в прошлой жизни был психологом.

Глава 14

Джек: 18 октября 1987 года

– У него все прекрасно получилось, – сказал он сам себе без ложной скромности. Билли наконец вышел из ванной, и пахло от него, как от прилавка в отделе лосьонов после бритья в «Бутс»²⁰. Он выбрал одежду, на которую ушел бы недельный заработок его родителей.

– Уже давно пора. Хочешь глотнуть?

Джек налил стопку водки и протянул Билли. Тот только сморщил нос.

– Нет, со мной и так все в порядке.

– Ты серьезно? – рассмеялся Джек. – Ты спер эту водку в магазине и не собираешься ее пить? Давай, не выпендривайся.

Он снова вытянул руку поближе к приятелю, и часть водки выплеснулась ему на пальцы. Билли взял стопку и понюхал.

– Быстро проглоти. Чем больше будешь пить, тем лучше тебе покажется вкус, – пообещал Джек.

Билли запрокинул голову, влил в себя водку, и она покати-лась вниз по горлу. Он прикрыл рот рукой, закашлявшись;

²⁰ «Бутс» – британская сеть розничных магазинов, предлагающих товары для красоты и здоровья, и аптек, как маленьких, так и очень крупных.

у него появились позывы к рвоте. Джек засмеялся.

– Вот так и надо, – сказал он. В эту минуту кто-то постучал в дверь спальни. – Заходи.

В дверном проеме появилось лицо Люси. Билли показал из ванной неприличный жест, при виде которого Джеку стало смешно. Бедный парень не знает, что нужно делать с девушкой типа Люси. Ему пятнадцать, а он даже ни разу не целовался с девчонкой! Ну, может, сегодня вечером удастся это исправить.

– Твои друзья ждут внизу, – сообщила Люси, подозрительно глядя на Джека. – Ты пил?

– Да. Хочешь?

Она зашла в комнату и только тут заметила Билли.

– О, привет. – Она увидела, что он держит в руке стопку, и улыбнулась. – Вот это да! Даже Джек водку не пьет.

Билли посмотрел на Джека округлившимися глазами. Тому нисколько не было стыдно. Он просто пожал плечами.

– Вкус дерьмовый. Пошли, Шекспир, пора.

Джек уже собрался выйти из комнаты, но Люси преградила ему путь. Она находилась достаточно близко, чтобы он мог вдохнуть тонкий аромат ее цветочных духов. Даже несмотря на то что он был на три года младше нее, Джек возвышался над ней дюйма на два.

– Ты не собираешься пригласить меня на вечеринку?

– Спасибо, но дуэнья мне не требуется. – Он положил руки ей на талию, подтянул к себе, а потом отодвинул в сто-

рону. – Пошли, Билли.

Глава 15

Мне очень не хочется видеть собственный дом, но я не могу долго жить в «Трэвелодже». Мы заезжаем в полицию за моими ключами, и там подтверждают, что я могу вернуться домой. Когда мы подъезжаем, то видим одинокую фигуру, сидящую на крыльце. Ник стонет.

– Что, на хрен, происходит? – ударяет мне по барабанным перепонкам резкий голос Кэсси с манчестерским акцентом, как только мы выходим из машины. – Что он здесь делает? Почему твое крыльцо вымазано краской?

Я рассказываю ей о случившемся прошлой ночью, и с каждым словом ее лицо мрачнеет.

– Брось это, – предупреждает она меня, поднося палец к моему лицу. – Теперь все стало серьезно, Сьюз. За тобой следят? Шпионят? В твой дом вламываются. Брось. Это.

Я качаю головой.

– Я не могу, просто не могу. Даже если это какая-то кампания ненависти со стороны местных. Мне что, ждать, пока кто-то другой вломится ко мне в дом или набросится на улице?

Мы все еще на улице, и я пытаюсь говорить потише. Кэсси нет.

– Если это какой-то псих, который тебе мстит, то ты не должна оставаться в одиночестве! Ты можешь пожить у ме-

ня, или я поживу здесь. Давай просто забудем про ту фотографию и вернемся к нормальной жизни.

– Какой нормальной жизни? Нормальным для нас явля...

Я не могу произнести это вслух. Нормально для нас – это трехразовое питание, когда невкусную еду подают на пластиковом подносе, все еще запачканном вчерашним ужином. Нормально – это жить в комнате размером с мою старую домашнюю прачечную вместе с женщиной, для которой говорить о естественных нуждах организма также легко, как мне сравнивать с моими старыми подругами свечи Yankee Candles²¹.

Теперь мне так просто не остановиться. Часть меня (та крошечная, которая помнит, как я добралась до автобусной остановки, пока мой ребенок неустанно плакал в доме), у которой всегда оставались вопросы, *должна* узнать правду. Я должна вернуться в прошлое, погрузиться по колено в дермо, чтобы увидеть, что скрывается под ним. Я это заслужила? *Я сумасшедшая?*

* * *

Когда я захожу в гостиную с напитками, Кэсси и Ник сидят молча. Я вручаю Нику чашку кофе, а сама занимаю место на диване рядом с Кэсси. У меня такое ощущение, будто

²¹ Yankee Candles – один из самых известных и продаваемых брендов ароматизированных свечей в мире.

они спорили.

– Что? – спрашиваю я, переводя взгляд с одного на другую. – Что?

– Журналист хочет засунуть нос туда, куда его не нужно засовывать. – Голос Кэсси не просто окрашен ядом, он им пропитан. Я смотрю на Ника.

– Я просто подумал, не поможет ли делу, если я... м-м-м... если я взгляну, если у тебя есть...

– Он хочет посмотреть фотографии Дилана.

Я чувствую желчь в горле. Фотографии? Конечно, они у меня есть. Они лежат в самом низу соснового комода, вставленные в альбом, обтянутый коричневой кожей. Я его не открывала три года. Альбом принес отец во время одного из посещений «Окдейла», но у меня ни разу не хватило смелости его раскрыть. После рождения ребенка я сделала почти триста фотографий: Дилан со своим первым плюшевым мишкой, первая боязливая улыбка Дилана, Дилан в среду. Судя по размеру альбома, в нем не все триста фотографий. Я никогда не хотела знать, какие фотографии мой отец решил в него включить.

– Зачем? Они тебе ничего не скажут. Мы знаем, что это не может быть он. К тому же все младенцы похожи.

Это ложь. Мой ребенок был не таким, как другие дети. Все другие младенцы – это сморщенные, трудноузнаваемые существа, которые ни на кого не похожи. Дилан был красивым, с идеальным гладким личиком и огромными глазами, цвет

которых изменился с синего на темно-карий. Несколькими годами раньше я влюбилась за эти глаза в его отца. В первые недели появились темные волосики. Росли они так быстро, что мне каждое утро приходилось их осторожно расчесывать мягкой белой расческой, которую подарили мой брат с невесткой. У Дилана был такой очаровательный язычок, даже когда его ротик открывался, чтобы издать пронзительный боевой клич среди ночи.

– Ты права. Прости. Это в любом случае не поможет.

Но я знаю, что он думает иначе. Если Ник считает, что поможет, а я собираюсь пройти через это испытание, собираюсь пережить двенадцать коротких недель жизни Дилана за один день, то можно начать здесь и сейчас. Я встаю, Кэсси резко вдыхает воздух.

– Ты не должна этого делать, Сюз, – предупреждает она. – Для тебя это будет сильным шоком, а их у тебя было столько, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

– Но если ты все-таки хочешь, то лучше это сделать, пока мы здесь с тобой, – настаивает Ник.

– Все в порядке, Кэсси, я хочу.

Они оба молча наблюдают, как я открываю дверцу в нижней части комода и достаю нетронутый альбом. Я протягиваю его Нику. Когда он уже собирается его взять, я не могу разжать пальцы.

– Ты не должна. – Ник мягко эхом повторяет слова Кэсси.

Я медленно тяну альбом к себе, снова усаживаюсь рядом

с Кэсси и кладу его на колени. Она опускает руку на мою, и мы вместе раскрываем альбом.

На первой странице под блестящей прозрачной самоклеющейся бумагой одна фотография. Я сижу на больничной кровати, меня со всех сторон окружают подушки – без них я не смогла бы сидеть прямо, – выгляжу более изможденной, чем когда-либо в жизни. Косметика полностью отсутствует, а мои светлые волосы все взмокли и убраны назад. Сын (к тому времени, как была сделана эта фотография, я уже признала, что он мой сын) лежит у меня на руках. Я помню все это очень хорошо, как будто все происходило сегодня утром. Наша первая семейная фотография. Он так ерзал, будто скользкая маленькая рыбка, которая не привыкла к рукам, что мы с трудом смогли сделать снимок. Марк улыбался и все время повторял: «Это мой сын», снова и снова. При этих воспоминаниях у меня на глаза наворачиваются слезы; опять всплывают вопросы. Я уже была в депрессии, когда делалась эта фотография? Медсестры говорили мне, чтобы я не беспокоилась из-за подавленного состояния после родов. Но по ощущениям все было гораздо хуже. Разве они не должны были что-то сделать?

Кэсси сжимает мою руку. У меня нет сил сжать ее руку в ответ.

По ощущениям проходит час, и только тогда у меня получается перевернуть страницу. Отсутствие фотографии шокирует меня не меньше, чем фотография на первой страни-

це. В место для снимка вставлен листок бумаги. На нем тонким неразборчивым почерком моего отца написано: «Надеюсь, это поможет тебе понять». Я читаю слова вслух, и в них оказывается не больше смысла, когда они плывут по воздуху, чем когда они звучали у меня в голове.

– Поможет мне понять? Что это значит? – Я обращаюсь в никуда. – Что это значит? – Я повышаю голос, получается что-то среднее между истерикой и звучанием на частоте, которую могут слышать только собаки. – Зачем он это написал?

Я вскакиваю на ноги, держа альбом подальше от себя, словно он может меня обжечь.

– Успокойся.

У меня не настолько сильная истерика, чтобы не заметить взгляд, который Кэсси бросает на Ника: «Посмотри, что ты наделал». Три года упорной работы в «Окдейле», и я снова превратилась в легковозбудимую, дрожащую развалину, у которой все перепутано в голове.

– Вероятно, он хотел, чтобы ты увидела, как любила Дилана, – высказывает предположение Ник.

Сердцебиение у меня постепенно замедляется. Да, мой отец мог сказать подобное. Дать мне понять, как я любила своего сына.

– Вы не думаете, что он хотел, чтобы я увидела, что наделала? Что я потеряла? – Мой голос напоминает скулеж.

Кэсси яростно мотает головой:

– Нет, ни в коем случае. Все так, как *он* сказал. Твой отец

тебя поддерживал на протяжении всего судебного процесса. Он каждый день приходил к тебе в больницу, пока тебя не арестовали. Он тебя обожает. Зачем ему посылать тебе что-то плохое?

Я тупо киваю. Они правы. Кэсси опускает руку на страницу, чтобы перевернуть ее, и смотрит на меня, убеждаясь, готова ли я. Я не отвечаю, и она медленно переворачивает ее.

На следующей странице фотография Дилана в абсолютно белых ползунках. Он спокойно лежит у меня на руках. От меня на фотографии только локоть и предплечье. Вот так все и бывает, когда становишься матерью: ты всегда на заднем плане, две ноги или одна рука. Ты теперь больше никогда не в фокусе. Меня это беспокоило? Меня беспокоило то, что теперь я не нахожусь в центре внимания мужа и отца? У Марка не осталось близких родственников, мы всегда хотели быть только вдвоем, он и я, пока не приняли решение, что нас должно быть трое. Я хотела, чтобы Марк прекратил на него смотреть хотя бы иногда и занялся стиркой? Да. Я ревновала к своему ребенку? Я так никогда не думала.

– Ты все еще меня любишь?

От этих слов брови Марка медленно поднялись вверх. Он боялся сказать что-то не то и оказаться в ловушке.

– Конечно, малыш.

Марк произнес эти слова медленно, протянул руки и подтянул меня к себе. Я поморщилась, когда его руки прикоснулись к мягкой плоти, где раньше находился подтянутый

живот.

– Больше Дилана?

Я почувствовала, как напряглось его тело. Он думал, что за мать может задать такой вопрос? Я только хотела знать, что меня еще хотят, что я еще нужна.

– Я люблю вас обоих одинаково, дорогая.

Ник все еще продолжает рассматривать альбом, так внимательно изучая каждую фотографию, что я задумываюсь, не ищет ли он сходство между недавней фотографией и старыми, или просто пытается оценить мою реакцию на снимки сына. Я начинаю быстрее переворачивать страницы. Черно-белая фотография ручек малыша на фоне моих гигантских пальцев – мне потребовалось семь попыток, чтобы этот снимок получился таким, как нужно. На пятой странице отпечатки ножек, сделанные черными чернилами, не больше двух дюймов в длину. Фотография моего маленького мальчика в полный рост, размером семь на пять дюймов. Он в кресле-шезлонге для младенцев, сбоку сидит большой медведь, в два раза больше спящего малыша. Это одна из последних сделанных мною фотографий. Если мой отец выбрал эти фото для того, чтобы показать мне, как я любила сына, он добился своей цели.

Мы находим *это*, только когда приближаемся к концу альбома. После страницы с фотографиями, на которых мой папа и Марк с гордостью держат Дилана. Ник и Кэсси теперь по очереди переворачивают страницы, чтобы избавить меня

от стресса. Сейчас очередь Ника – и на фотографиях внезапно оказывается другой объект. На самом деле несколько объектов. Пять разных темноволосых детей, недавно научившихся ходить, смотрят на меня со страницы альбома – со страницы, откуда изъяли одну фотографию. Ее место пусто. Это ее подкинули мне под дверь два дня назад? Между страниц лежит сложенная газетная статья, из которой аккуратно вырезали фотографию. Заголовок: «Мать получила шесть лет за убийство сына».

Я бледнею. У меня такое ощущение, будто из всего моего тела вытекает кровь, а по горлу вверх поднимается желчь. В голове сумбур, я пытаюсь понять смысл того, что вижу. Фотографии то и дело расплываются у меня перед глазами, я не могу сосредоточиться. Кэсси хмурится, она в тупике. Когда я поворачиваю голову к Нику, чтобы получить ответ или услышать подбадривающие, успокаивающие слова, он не встречается со мной взглядом.

– Мне нужен свежий воздух.

Каким-то образом я добираюсь до черного входа, колени у меня опасно дрожат, я боюсь упасть. Одной рукой держусь за дверной косяк, иначе не устоять на ногах. Холод и мелкий дождик – это как раз то, что нужно, чтобы снять жар. Теперь у меня горит лицо.

– Сюзан? – произносит Кэсси тихим и спокойным голосом. «Никаких внезапных резких движений, никаких громких звуков. Не нужно пугать сумасшедшую».

– Я не знаю, как они там оказались, Кэсси. Я никогда в жизни их не видела.

На мое плечо опускается легкая рука.

– Я знаю. Иди в дом, а то промокнешь.

Слышен звук открывающейся и захлопывающейся входной двери. Мы обе замираем на месте, ждем звука заводящегося двигателя. Но его нет. Ник уезжает? Сбегает от психически неуравновешенной женщины в саду позади дома? Вместо этого до нас через забор доносится его голос. Я улавливаю четыре слова: «Тут есть что-то еще». Он разговаривает с кем-то по телефону, не понимая, как мы близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.